

ВАЛЕРИЙ ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

КАЛЕЙДОСКОП

КЁЛЬН 2021

ВАЛЕРИЙ ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

*Моему строгому судье –
любимой жене
в преддверии нашего 60-летия
посвящается.*

КАЛЕЙДОСКОП

КЁЛЬН 2021

Вэтот сборник вошли десяток, точнее двенадцать (не поленился сосчитать) разрозненных текстов, почти ничем не связанных друг с другом. Впрочем, некая связующая нить, пусть призрачная, все-таки существует. Этой нитью является вереница событий (чаще всего совсем незначительных), произошедших со мной или вокруг меня за последнее время (умники рекомендуют говорить «крайнее время»). Но я пока (а как вам нравится пока?) это новшество не приемлю. Для меня остается совершеннейшей загадкой, зачем вот уже более десяти лет я этим занимаюсь. И, если зачем я действительно не знаю, то на вопрос почему я могу ответить без дополнительных размышлений. Тем самым, с одной стороны, я заставляю свои мозги с большей или меньшей интенсивностью трудиться, а с другой стороны, так мне удается сжечь свободное время, которое обрушила на меня незаслуженная пенсия, называемая в Германии - «Базовое обеспечение по старости» (Grundsicherung im Alter). Трезво оценивая свои литературные возможности, я понимаю, что мои опусы могут представлять интерес только для очень ограниченного круга близких мне людей, о чем красноречивее всего свидетельствует так называемая «Гостевая книга» моего сайта www.valzol.ru, на котором размещено все написанное мною за эти годы (9 книжек). Разумеется, мне приятны комплементарные отзывы моих родных и друзей (не станут же они огорчать автора), особенно радует, если им удастся отыскать в моих текстах «жемчужное зерно». Две книжицы из последних («Под знаком короны» и «Такое... и думы») и третья, которую вы сейчас открыли, представляют собой сборники, состоящие из писаний, литературный жанр которых даже мне самому затруднительно определить. В большинстве из них можно обнаружить и сюжетность новеллы, и очерковость описаний реальных жизненных ситуаций, и эссеистское изложение авторской позиции по какому-либо конкретному вопросу, а порой встречаются даже элементы рядовой публицистики. Я понимаю, что такой жанровый винегрет не лучшим образом характеризует автора, выдавая его с потрохами, как не-

профессионального литератора. Однако, что есть, то есть. Поэтому уже в первом сборнике я нашел для своих текстов определение – размышлизмы, позволяющее читателю не слишком задумываться над определением их жанра.

Многие авторы в предисловии к своему очередному произведению благодарят всех, кто так или иначе помог им справиться с таким многотрудным делом. Вот и я, во-первых, хочу поблагодарить Всевышнего за то, что позволил завершить задуманное. Во-вторых, приношу свою неизменную любовь и искреннюю признательность моей жене Татьяне за то, что она не мешала мне это сделать. И, наконец, мне хочется отметить милосердие, проявленное к нам, сотрясающей мир коронавирусной эпидемией.

**«Боже, храни
императора
Франца»**

Туман неподвижно завис, как на фотографии, плотно окутав городские силуэты. В нём мистическим образом почти полностью растворились недостроенные башни великого Собора. В Кёльн пришла обычная промозглая осень. Редкие прохожие старательно кутаются в плащи и накидки. Всё оккупировано сыростью и серостью.

По Глокенгассе неспеша движется невысокий угрюмый человек плотного телосложения, отгородившийся от непогоды епанчой и толстым шарфом ручной вязки. Вся его фигура, хмурое лицо и даже походка демонстрируют крайне негативное отношение к осеннему ненастью. Это кантор Кёльнской синагоги Исаак Оффенбах. Он возвращается домой после утренней молитвы. Собственно Оффенбах – это его псевдоним, взятый по имени маленького города Оффенбах-на-Майне, откуда он был родом. Там при рождении он был записан, как Исаак Иегуда Эберст.

В 1794 году французская армия вошла в Кёльн, и юноша, поддавшись либеральным веяниям Французской республики, мечтает перебраться в Кёльн. Но осуществление мечты приходится отложить, поскольку узы брака соединяют его под хупой с девушкой из небогатой семьи Марианной Ридскопф. Узы оказались настолько прочными, что ко времени, о котором идёт речь, у них уже было десять детей – семь девочек и трое парней. И всё же его чаяниям суждено было сбыться. В 1816 году семья переезжает в Кёльн. Там летом 1819 года у них родился сын, названный Якобом.

Немало сил, таланта и изобретательности требовалось папаше, чтобы хотя бы мало-мальски обеспечить приличный быт такой многодетной семье. Однако Исаак Оффенбах был не только плодовит, но и чрезвычайно трудолюбив. Он брался за любую работу. Помимо своей основной службы кантором в Кёльнской синагоге, он давал ещё уроки пения и игры на скрипке детям кёльнской знати, и даже иногда зарабатывал на жизнь реставрацией книг.

И всё-таки не приходится удивляться, что доминирующим жизненным фоном семьи была музыка. Особое пристрастие к чарующим звукам музыки проявились у

самого младшенького Якоба, как говорится, буквально с младых ногтей. Уже в три года он на радость всем весело напевал песенки собственного сочинения, аккомпанируя себе же на скрипке-пикколо. Якоб старательно усваивает отцовские уроки, поражая всех своим незаурядным талантом. Ему всё даётся очень легко. Но уже к шести годам он неожиданно остывает к скрипке, испытывая к тому же неприятное ощущение в левом предплечьи. Неожиданно в доме появляется виолончель, которая навсегда покоряет душу и сердце юного музыканта. Родители обеспокоены новым увлечением сына, считая, что этот инструмент не по силам сублильному мальчику. Однако ребёнок не сдаётся. Стоит только родителю надолго уйти из дому, как Якоб устремляется в келлер, где хранится виолончель и играет, играет, играет... Мальчишку не интересуют ни кабинетные игры, ни дворовые забавы. Только игра на виолончели. Он тайком роется в папиной нотной библиотеке, выбирая лучшие пьесы для виолончели, и с поразительным для такого возраста упорством учит их одну за другой. В итоге, папа вынужден отступить. Он начинает всерьёз заниматься с сыном...

...Наконец, Исаак добирается до своего дома, находящегося в двух кварталах от синагоги. Здесь его радостно встречают домашние, собравшиеся в гостиной почти в полном составе. Марианна выходит навстречу мужу, как обычно, обнимает его и просит одну из старших дочерей слить папе на руки. На каждую руку, как и положено, попеременно трижды льётся прохладная прозрачная струя. Самый младший карапуз уже стоит рядом, протягивая папе чистое льняное полотенце. Теперь, когда все уже собрались за столом, произносится короткий кидуш и семья приступает к трапезе. Манящий аромат блюд еврейской кухни заполняют всю гостиную. Марианна и её кузина Моника, помогающая ей по хозяйству, разливают по тарелкам золотистый куриный бульон с кнедликами из мацы. За бульоном, как водится, следует второе блюдо – жаркое эсик-фляйш. Когда же на столе появляется десерт, вызывающий у младших, как всегда, неподдельную

радость, глава семьи просит детей уgomонится. В наступившей тишине он произносит:

– На сегодняшний вечер мы с Якобом приглашены к баронессе Имхофф. Там в её музыкальном салоне состоится домашний концерт. Будет исполняться струнный квартет №3 («Императорский») Йозефа Гайдна.

С радостным воплем «Ура!» Якоб бросается к папе.

– Ладно-ладно, – с улыбкой папа притормаживает сыновние объятия.

– Во-первых, пожалуйста, успокойся, а во-вторых, вам с мамой ещё нужно успеть подготовить твою нарядную одежду.

– Папочка, всё и так готово. Мой нарядный костюмчик после последнего концерта Моника повесила в детской в шкаф.

– Это хорошо. Я хотел бы, чтобы ты там сыграл, как ты умеешь, хотя бы часть скрипичной партии из этого квартета. У тебя остаётся достаточно времени, чтобы бегло просмотреть партитуру этого квартета. Это, пожалуй, лучшее, что было создано Гайдном для струнных инструментов.

Но последней фразы Якоб уже не слышит. Его сдувает, как ветром. Исаак пересаживается на диван, куда ему Марианна приносит чашечку ароматного кофе. Он пьёт маленькими глотками и делится с женой последними новостями, услышанными в синагоге после утренней молитвы. Но уже вскоре с дивана стало раздаваться лёгкое похрапывание. Короткого сна Исааку обычно хватает, чтобы полностью восстановиться. Входит Марианна и приглашает мужа в гардеробную, где уже висит тщательно подготовленный его вечерний туалет.

Исаак неспеша натягивает белую батистовую рубашку со стоячим воротником и туго накрахмаленными манжетами и повязывает под подбородком шёлковый шейный платок. Теперь очередь его любимого светло-коричневого костюма-тройки, состоящего из зауженных брюк, атласного жилета и сюртука с бархатным воротничком. Процесс довершается башмаками на завышенных каблуках с мас-

сивной бронзовой пряжкой. Исаак с едва заметной улыбкой глядит в мутноватое зеркало, в котором отражается довольный собой кельнский бургер среднего достатка.

– А что подельывает наш сорванец? Готов ли он? – излишне громко спрашивает Исаак, уверенный, что Якоб уже сумел, как следует, подготовиться к участию в вечернем концерте.

– Я уже с полчаса как отправила к нему Монику, – с некоторой тревогой в голосе говорит Марианна. Она знает, как нелегко оторвать Якоба от полюбившегося ему инструмента.

И Якоб действительно тратит всё отпущенное ему до выхода из дома время на отработку на виолончели довольно сложных пассажей, пока Моника, едва ли не силой, заставляет его заняться переодеванием. Вскоре юный отпрыск появляется во всём блеске в гостиной. На нём расшитая безрукавка поверх пышной белой рубашки, шёлковые штанишки под колена, кремовые чулки и почти такие же, как у папы, башмачки, только меньшего размера.

Наконец, всё готово. Папа одной рукой берёт лежащий на комодe футляр со скрипкой, а другой – за руку сына, и они выходят на улицу. Погода проявляет к ним очевидную благосклонность. Стало теплее, сырость почти ушла, и улицы подсохли, оставив на поверхности только грязные разводы. Путь предстоит не близкий. Они идут вдоль главной торговой улицы, где владельцы лавок и магазинов поспешно зашторивают витрины и запирают двери. Минуя готическую громаду Кельнского собора, они выходят на набережную, бредут по Райнуферштрассе мимо романской церкви Святого Куниберта, а там уже рукой подать до небольшого Западного парка, рядом с которым находится особняк баронессы Имхофф.

Трёхэтажный дом с башенкой, венчающей его крышу, напоминает красочный пряник, фасад которого украшает классический портик с вычурной лепниной и четырьмя колоннами. Здание являет собой удивительное смешение готического стиля с элементами барокко. У ограды в

затянувшемся ожидании замерли роскошные экипажи. Их возницы, покуривая, весело переговариваются друг с другом.

Господина Оффенбаха с сыном приглашают пройти в зал, где уже собрались поклонники творчества великого Гайдна. Всё дышит роскошью и комфортом. В зале светло как днём. Пространство залито завораживающим переливающимся светом, благодаря пламенеющим язычкам множества свечей, отражающихся в хрустальных подвесках огромных каскадных люстр. Стены двусветного зала, разделённые венецианскими окнами, увешаны фамильными портретами и голландскими натюрмортами в тяжёлых золочёных рамах. Атмосфера салона напоена ароматом знаменитого одеколona «Кёльнская вода». Его создатель Иоганн Мария Фарина когда-то сказал: «Мой аромат напоминает весеннее утро в Италии после дождя». Потрескивает огонь в камине, а нарядно одетая прислуга предлагает присутствующим сверкающие бокалы, наполненные искрящимся французским шампанским. Перед клавесином у изящных пюпитров уже сидят трое музыкантов – два скрипача и альтист. Лишь у четвёртого стула одиноко стоит небольшая виолончель.

Оказывается, виолончелист, живущий в Бонне не смог приехать, и концерт оказывается на грани срыва. Услышав это, Якоб бросается к папе и признаётся ему в том, что он уже почти два года упражняется в игре на виолончели. Он заверяет папу и всех присутствующих, что знает наизусть этот квартет и готов заменить отсутствующего музыканта. Исаак в отчаянии. Он не может поверить (позора не избежать) в готовность сына полностью отыграть квартет, но под нажимом обстоятельств и настоятельной просьбы хозяйки салона баронессы Имхофф вынужден уступить.

Раскрасневшийся Якоб, без тени смущения берёт в руки виолончель и усаживается рядом с остальными музыкантами. Склонившись друг к другу, они о чём-то недолго шепчутся. Наконец, встаёт скрипач, в зале повисает томительная тишина, и начинается долгожданный

концерт. Поначалу не всё идёт, как хотелось бы. Якоб то немного торопится, то слегка отстаёт, но, ощущая поддержку коллег, постепенно успокаивается. Во второй медленной части (адажио), где доминирующей темой звучит гимн «Боже, храни императора Франца», юный музыкант уже чувствует себя, как рыба в воде. Бархатное звучание виолончели естественно вписывается в чарующую гармонию квартета Иосифа Гайдна. Звучат последние аккорды финала, и благодарная публика награждает музыкантов оглушительными аплодисментами. Многие, не стесняясь своих чувств, выражают признательность музыканту-вундеркинду. Счастливый папа в сторонке наслаждается неожиданным успехом своего сына.

Этот день может по праву называться днём рождения Жака Оффенбаха – великого немецкого виолончелиста-виртуоза и композитора, ставшего символом парижской музыкальной культуры второй половины XIX столетия.

Спустя два года в главном концертном зале Кёльна Гюрценихе состоялся сольный концерт уже известного кёльнского виолончелиста-виртуоза и композитора Жака Оффенбаха. Можно ли было предположить тогда, что этот двенадцатилетний музыкант вскоре превратится в парижского денди, прожигателя жизни, а уже через полтора десятка лет станет известен в Европе, как создатель канкана и множества фривольных оперетт. Как это ни странно звучит, его тогда даже обвиняли в «развращении нравов цивилизованной Европы».

Прошло почти 150 лет, но по-прежнему произведения Оффенбаха такие, как «Орфей в аду», «Прекрасная Елена», «Перикола» и «Сказки Гофмана», являются украшением многих сценических площадок мира. Оперетты Оффенбаха, отличающиеся неподдельным жизнеутверждающим весельем, наполнены яркой музыкой, несущей уникальную творческую индивидуальность автора.

Февраль, 2021 года

Dreamolino
leg pillow

Уже много лет процесс засыпания сопровождается у меня с суетливой вознёй под одеялом. Это связано с безуспешными попытками как следует уложить прокладку из одеяла между коленями. Не надо думать, что у меня какие-то особенно капризные колени. Нет, просто они при контакте, как говорил известный персонаж Фрунзика Мкртчяна из фильма «Мимино», испытывали друг к другу, личную неприязнь. Эта непримиримая вражда коленей, признаюсь откровенно, мне всегда мешала заснуть.

До сих пор спасало одеяло. Но однажды по телевизору я услышал странную рекламу. Не уверен, что воспроизведу её дословно, но смысл, который мне удалось уловить, заставил вслушаться повнимательнее: «Если вы чувствуете дискомфорт между ног – решение в ваших руках. Это - *dreamolino leg pillow*». Во-первых, чего стоит одно название - с трудом переводимая игра слов, а во-вторых, каков юмор! - дискомфорт между ног, а решение (ОПА!) в ваших руках. Однако, как бы там ни было, а я замер в недоумении. Жизнерадостный голос диктора продолжал свой сеанс гипноза: «Миллионы людей всю ночь ищут самую удобную позу для сна». Ба, да это же про меня! Пусть немного преувеличено, но про меня. А дальше – больше: «Коленкам неудобно, спина и бёдра болят. Больше никаких бессонных ночей с гениальной подушкой для ног *dreamolino leg pillow*».

Что-то в этом тексте манило и радовало, а что-то настораживало. Решил заглянуть в Википедию, чтобы освежить в памяти трактовку слова «гениальность» и окончательно развеять свои сомнения. Оказалось, что «гениальность это высший уровень интеллектуального или творческого функционирования». Вот такие нынче современные подушки для ног. И всё же реклама сработала, тем более что в ней недвусмысленно пообещали всем откликнувшимся большую скидку. За этим следовала самая убийственная приманка: «Но это ещё не всё. Позволившие немедленно получают две «*dreamolino leg pillow*» по цене одной». Я сломался и решил позвонить. Этот призыв «тайный и страстный» исходил от фирмы «Best Market»,

которая к тому времени уже славилась своей малоправдоподобной рекламой.

И всё же я позвонил. Поначалу мне ответил сладкоголосый человекообразный автомат, предупредивший, что наш разговор записывается, из чего я понял, что назад дороги нет. Далее в трубке прозвучал уже живой жизне-радостный голос. Я сразу почувствовал, что мне очень рады. От меня только требовалось ответить на несколько стандартных вопросов. Дошла очередь до даты рождения, и я, как ни странно, не задумываясь, бодро ответил: «11 января 1939 года». Повисла гнетущая пауза, говорящая о том, что девушка мучительно подсчитывала количество прожитых мною лет, и я решил добавить: «Ещё живой». Прозвучавшее в ответ весёлое ржание убедило меня в том, что заказ будет принят на обещанных рекламой условиях. И действительно, через день 31 декабря служба доставки забросила на наш балкон картонную коробку с

двумя подушками для ног dreamolino leg pillow. Под Новый Год мечты сбываются.

PS. Не прошло и двух недель, как я удостоверился в том, что сожительство с этой дурацкой, смахивающей на боксёрскую грушу, эротической подушкой меня только раздражает. Её место, как и в прежние годы, занял край одеяла, а обе бесподобные dreamolino leg pillow теперь подпирают дверь в подвале.

2 января, 2021 года

Листая
страницы

Мне рай с детских лет
представлялся библиотекой

Хорхе Луис Борхес

Мне давно не давало покоя желание написать очерк о созданной в городе Кёльне библиотеке литературы на русском языке «Друзья русской книги». Но справедливости ради должен признаться, что эта тема уже неоднократно находила своё отражение, правда в разрозненном виде, в нескольких моих предыдущих книжках. Поэтому этим текстом я делаю решительную попытку завести под одну крышу всё, что сохранила память, поведав миру, не побоюсь этого слова, удивительную историю зарождения книжного рая и успешного восхождения его к библиотечному Олимпу. Надеюсь, строгие критики простят мне подобную высокопарность. Просто я, как заинтересованный свидетель и активный соучастник этого восхождения, захотел рассказать о замечательных сотрудниках этой Библиотеки (с этого места только с прописной). О команде бескорыстных преданных делу волонтеров и милых моему сердцу интеллигентных людей (преимущественно дам). Так в результате стечения самых разнообразных жизненных обстоятельств в Кёльне собралась довольно большая группа людей разных профессий из многих городов бывшего СССР ради служения благородному делу просветительства. И я убеждён, что страна (в узком смысле этого слова) должна знать своих героев.

Профессия библиотекарь, наряду с парикмахерами, врачами и виноделами, относится к категории самых древних профессий человечества (это не то, о чём вы подумали). Уже почти четыре тысячелетия книгохранилища и библиотеки служат человеку, являясь едва ли не основным средством просветительства. Эксперты-книговеды причисляют к первым книгам месопотамские глиняные таблички с клинописью, которые передавались из рук в руки в специальных ящичках. Но научно-технический прогресс не оставил без своего влияния технологии и методы производства книг. Глиняные пластинки уступили

место бумажному носителю, а на место грубой оболочки ящичков пришли красочные переплётыв и суперобложки. На мой взгляд, этой исторической справкой вполне уместно завершить преамбулу.

Но начать всё же я хотел бы издадека. 5 января 1994 года автобус фирмы «Манн» пересёк границу ФРГ и вытряхнул нас вместе с нашими нехитрыми пожитками на территории лагеря для переселенцев в Унна-Массен. Здесь, несмотря на январь, мы провели в условиях так называемого карантина две солнечные недели в состоянии безоблачной эйфории, не утруждая себя тревожными мыслями о завтрашнем дне. Ситуация напоминала знаменитый эпизод из фильма «Семнадцать мгновений весны», в котором Ефима Копеляна с присущим ему драматизмом произносит знаменитую фразу: «Пьяный воздух свободы сыграл с профессором Плейшнером злую шутку». Мы, получив право на постоянное место жительства в Федеративной Республике, но по необъяснимой причине плохо представляли себе, с какими суровыми буднями нам придётся поначалу столкнуться в роли пресловутых контингентных беженцев.

Первый год нашей жизни в Германии отличался большим стрессовым разнообразием. Пять месяцев жизни на чемаданах по общежитиям: сначала на голландском пароходе «Fortuna», стоящем в гавани Мюльхайма, затем в бывшем гостиничном двухэтажном доме, расположенном в окрестностях Юнкерсдорфа. И всё же уже через полгода на восточной границе Кёльна в центре района Брюк, нам удалось найти подходящую квартиру, которую нужно было в спешном порядке обставить, приспособить и обуютить.

Всё это происходило на фоне изнуряющих занятий немецким языком на шестимесечных, так называемых, академических курсах. Параллельно мы судорожно искали применение своим ещё не угасшим силам. Мы зачитывались объявлениями «требуется на работу» и рассылали свои страстные резюме (по-здесьнему – «бевербунги»),

как говорится, «в надежде славы и добра». Но, увы. В нас, как в работниках, даже такая демократическая страна, просто не нуждалась. И действительно, кому нужны пожилые люди, готовые в любой момент по вполне объективным причинам соскочить на больничный, да к тому же ещё и не владеющие немецким языком. Полугодичные языковые курсы завершились получением нами свидетельств об успешном освоении немецкого языка (какой позор – языка как не было, так и нет), да и наша съёмная квартира совместными усилиями уже ощущалась, как обжитой домашний очаг. Естественно появился тревожный синдром избыточного свободного времени. Нужно было как-то выходить из этого тупика. Тут-то и возникла идея создания Библиотеки. К этому времени Боря и Циля Заки, владельцы туристического бюро «UTS Touristik», располагавшегося в центре старого города на улице *Turiner Straße*, любезно предоставили обиталище в светлом и тёплом подвальном помещении для созданного нами (А.Бронфманом, А.Майорским и мной) клуба «Технической интеллигенции». Там под лестницей, как ни странновато это звучит, и родилась наша Библиотека. Это было осенью 1995 года.

Семена просветительства упали на благодатную почву. Татьяна взялась за дело с завидным энтузиазмом и даже с некоторой долей фанатизма. К новоселью Заки выделили нам от щедрот своих заслуженный книжный шкаф с распашными дверями, а второй шкаф в виде этажерки (менее заслуженный) мы подобрали на улице из выставленного кем-то, так называемого, «шпермюля», что в переводе означает крупногабаритный мусор. Во времена экономического ренессанса в Германии было принято менять мебель и другие пожитки на более современные, а старье (вполне хорошего, на наш взгляд, вида и качества) выносить на улицу. В народе это называли «выбросами». В этих манящих мебельных торосах мы и подобрали второй шкаф. Чрева этих шкафов быстро заполнились книжками из нашей домашней библиотеки, первых читателей и доброхотными даяниями от хозяйки небольшого мага-

зина русской книги Лины Михальской.

Слухи о появлении в Кёльне нового очага русской культуры распространились быстрее, чем языки пламени в сухостой. К нам потянулся народ. Поначалу хватало и одного дня в неделю, но вскоре стало ясно, что этого недостаточно, и тогда у Тани появилась первая помощница – Альвина Чапля, которая среди русскоязычной публики была хорошо известной фигурой.

В те годы она была единственной в Кёльне распространительницей театрально-концертных билетов. У Альвины всегда можно было получить необходимую информацию, что, где и когда ожидается на театральных подмостках Кёльна и ближайших окрестностей. Нужно сказать, что во второй половине девяностых на Европу, как снежная ла-

вина, обрушились изголодавшиеся гастролёры из стран СНГ. Люди, приходящие к нам в Библиотеку теперь имели возможность не только получить хорошие книжки, но, как говорится, не отходя от кассы, могли ознакомиться с гастрольным графиком, и даже сразу приобрести билеты на приглянувшиеся предложения. Альвина оказалась хорошим и надёжным работником, но с ней нужно было всегда держать ухо востро. Её своеобразный характер сформировался таким, как мне думается, в яркой одесской театральной среде со всеми вытекающими из этого последствиями. Она без труда высасывала из пальца несуществующие обиды, и тогда небо затягивалось чёрными тучами, а окружающее пространство раскалялось до красна. Подобным образом всё и закончилось. Когда её билетная деятельность естественным образом стала угасать, Альвина нашла повод на что-то обидеться, и одноmomentно покинула нас. С тех пор прошло уже почти 10 лет, но мы по-прежнему сожалеем о случившемся.

Библиотечный фонд начал разбухать, как дрожжевое тесто. Мы установили годовой членский взнос размером в 10 марок. За эти деньги приобретались не только книги, но и книжные полки, и необходимые канцтовары. Параллельно осваивались приёмы библиотечной работы. Отрабатывались оптимальные формы записи при выдаче и возврате книг, пополнялась картотека имеющегося фонда. Уже через год Библиотека насчитывала более тысячи томов. Появилась новая сотрудница – Ирина Набокова, приехавшая из Петербурга, кипучая энергия которой требовала незамедлительного применения.

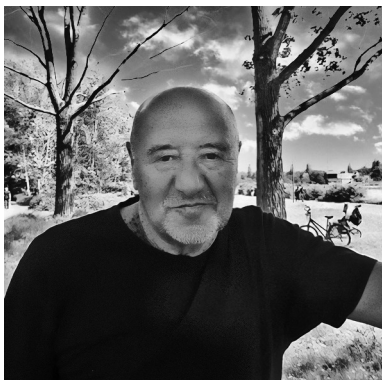

Ирина деятельна, умна, по образованию астроном, но неожиданно светила звёздного неба привели Ирину в Германию. Благодаря её неуёмной натуре и авантюрному складу ума, несмотря на полное отсутствие всякого присутствия немецкого языка, Ирине удавалось решать нерешаемое, пробивая просто-таки бетонные стены немецкой бю-

рократии. В то же время уровень её бытового пофигизма часто вызывал у нас порой весёлое недоумение, а порой, что случалось чаще, и даже беспокойство.

Спустя полтора года туристическое бюро «UTS Touristik» переехало в другое помещение, где для нас уже места не нашлось. Но мир не без добрых людей. Нас (редакцию газеты «Круг» и Библиотеку) приютило другое туристическое бюро „Kaplan Russland Reisen“, разместившееся на улице Philipstraße в бывшей двухкомнатной квартире в районе Эренфельд.

Его владелец, как легко можно догадаться из названия, Леонид Каплан, прибыл из Львова, где работал заведующим отделом на «Радиозаводе». Человек, обладающий острым аналитическим умом с явным гуманитарным уклоном, что сразу выделило его из пёстрых рядов або-

нентов нашей библиотеки, как одного из самых активных и глубоких читателей. Кроме того, Леонид на протяжении нескольких лет был пусть и скромным, но зато верным нашим спонсором.

Увы, но и это совместное пребывание тоже продлилось недолго. Спустя ещё полтора года наша дружная компа-

ния, редакция газеты «Круг» и Библиотека, уютно переместились в подвальное помещении на улице Ritterstraße недалеко от станции метро «Ханзаринг». Тут к пока ещё малочисленной библиотечной команде присоединился ещё один важный сотрудник – Леонид Овецкий.

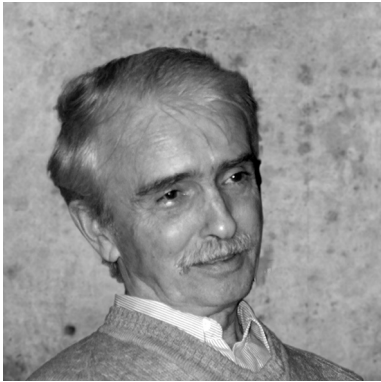
Лёня киевлянин, инженер, человек с хорошим чувством юмора, но не всегда справляющийся с нервическим складом своего характера. Он с энтузиазмом взялся перевести картотеку библиотечного фонда с бумажного носителя в электронный формат, что позволило бы в дальнейшем создать свой библиотечный сайт. Эта его большая и кро-

потливая работа, принимая во внимание, что он «не был волшебником, а только учился», затянулась надолго. И всё же, в конце концов, Лёне удалось создать своеобразную версию вебсайта, которым мы и наши читатели пользовались на протяжении нескольких лет. В 2015 году Леонид Овецкий ушёл из жизни. Вынужден с горечью констатировать, что это была уже не первая потеря в нашем коллективе, но об этом чуть позже.

Здесь, пожалуй, уместно рассказать о дальнейшей судьбе нашего вебсайта. Лёнино детище, как показала

практика, оказалось далёким от совершенства. Вебсайт непрерывно требовал различных доработок и корректировок. А поскольку Лёни уже не было с нами, я непрерывно прибегал к посторонней помощи или морочил голову моему безотказному приятелю Гарику Пакману, который в течение нескольких лет занимался вёрсткой газеты «Круг», справедливо считаясь нашим компьютерным ангелом-хранителем.

В конечном счёте, ему это надоело, и он предложил: «Если ты меня не будешь теревить пару месяцев, то я попробую создать новый простой сайт, которым сможет пользоваться любой».

Разумеется, я, не скрывая своей радости, тут же согласился. Не вдаваясь в подробности, скажу, что уже через месяц или чуть больше Гарик предъявил свою версию. Его творение оказалось настолько функционально удобным, что с тех пор Татьяна управляется с ним самостоятельно. Эту работу Гарик преподнёс нам в

виде бескорыстной спонсорской помощи.

Библиотека продолжала успешно развиваться. На этот очаг просветительства, как бабочки на пламя свечи, слетались всё новые и новые читатели, что позволяло нам постоянно приобретать новые самые рейтинговые книги. Но, к сожалению, вновь не долго музыка играла. Газету «Круг», которая была, как когда-то, ответственным съёмщиком помещения, в конце 2000 года выкупили два самонадеянных молодых человека, фамилии которых мне даже не хочется упоминать. Забегая немного вперёд, должен сказать, что им меньше чем за год удалось профукать газету, уничтожив всё то, что нами было наработано за предыдущие почти пять лет. Кроме того, им внаглую захотелось присвоить и нашу Библиотеку, фонд которой к тому времени насчитывал свыше 4000 единиц хранения,

чтобы превратить её в коммерческое предприятие. Этого, разумеется, мы допустить не могли. Но враг был коварен.

1 августа 2001 года эти «милые» ребята без предупреждения сменили редакционные дверные замки. Они дали нам три дня на то, чтобы освободить помещение редакции от стеллажей и книг. Молодчики рассчитывали, что мы не справимся с проблемой, и они станут ещё и владельцами Библиотеки, о чём не постеснялись, глядя в глаза, нам сказать. Конечно, это был удар ниже пояса. Нужно было найти место хотя бы для временного размещения книг, шкафов и полок, приобрести подходящую тару для транспортировки книг и, наконец, организовать людей для упаковки книг и заказать транспорт для перевозки их на новое место. Татьяна обратилась к читателям с настоящей просьбой унести к себе домой, как можно больше книг. И люди с готовностью откликнулись на её призыв, но, конечно, это не смогло решить проблему. Забегая немного вперёд, скажу, что после долгожданного обретения помещения большинство читателей вернулось в лоно своей Библиотеки, разумеется, вместе с взятыми на хранение книжками. И это было приятно.

Теперь нужно было срочно найти место для всего остального. И снова на помощь пришли добрые люди, предоставившие нам такую возможность. Нас приютил на своём складе милый человек, с которым я недавно познакомился в Общине, Семён Эпштейн – владелец магазина автозапчастей «Auto Welt», расположенного в пригороде Кёльна – Хюрте. К концу третьего дня в помещении на Ritterstraße от Библиотеки не осталось и следа.

Начались мучительные поиски нового стационарного помещения. Сложность заключалась в том, что мы уже были оторваны от редакции газеты, которая все предыдущие годы была, как говорилось в прошлой жизни, ответственным квартиросъёмщиком. А на какие шиши мы могли снять жилплощадь для нашей библиотеки.... В поисках спонсоров мы истоптали не одну пару обуви, пока не натолкнулись на жилищную фирму «Immobilien Sahle Wohnen», в структуру которой входила социальная фирма

«Pagea». А под её крышей, в прямом и переносном смысле, потихоньку функционировал центр детского творчества, возглавляемый Димой Случанским. Если я вас ещё окончательно не запутал, то на самом-то деле всё достаточно просто.

Два месяца ушло на переговоры, и всё же удалось, наконец, договориться, и Дима пустил нас с небольшой порцией книг в одну из комнат этого детского центра, расположенного в интернациональном районе Кёльна – Хорвайлере. Нам выделили время – 3 часа один раз в неделю. В этой комнате (16м²) стояло несколько столов и пустой шкаф, куда удалось впихнуть в два ряда около 600 книг. Дальше всё происходило так. Мы с Таней приезжали за полчаса до открытия, вынимали все книги из шкафа и раскладывали их на столах. Приходили читатели, ныряли в разложенное изобилие и отбирали себе, что удавалось выхватить. Конкуренция была достаточно высокой. После ухода последнего читателя мы вновь нафаршировывали подозрительно поскрипывающий шкаф его духовным содержимым. Но однажды этой гармонии пришёл конец. Страдальцу-шкафу это насилие надоело, и он с ужасным грохотом развалился. Моя словесная реакция превзошла в тот момент самые причудливые возможности русского языка. Всё-таки библиотекарь. На следующий день я приехал с набором необходимых инструментов и успешно провёл реанимацию «охлявшего» шкафа. Шоу должно продолжаться.

Руководство фирмы «Pagea», увидев наши трудовые подвиги, сжалилось над нами, предложив в одном из своих жилых зданий по адресу Paul-Löbe-Weg 26 подвальное помещение с туалетом общей площадью 80 кв. метров за умеренную плату. Вот уже почти 20 лет этот наш подвал сеет «разумное, доброе, вечное». Но не стану скрывать, к сожалению, с тех пор арендная плата выросла вдвое.

Прежде чем расположиться на этой территории нам пришлось, как вы уже поняли, четыре раза переезжать из одного конца города в другой. А каждый такой переезд это не только погрузка и выгрузка сотни книг, но и изго-

товление и монтаж стеллажей и шкафов, а порой и ремонт самого помещения. А материальные возможности библиотеки, как уже было сказано, заметно ограничены и полностью зависят от количества членских взносов наших читателей.

Однако, как бы то ни было, а всё шло своим чередом. И шло, надо сказать, довольно успешно. С каждым годом количество книг неуклонно росло, прибавлялись и заботы, большая часть из которых легла на надёжные женские плечи Татьяны Золотаревской.

Это значительная доля организационной работы, скрупулезная бухгалтерия, подбор и заказ новой литературы (Интернет, каталоги), работа с читателями и даже выпол-

нение их индивидуальных заказов. Таня часами проводила за компьютером в поисках самых ярких книжных новинок, останавливая свой выбор на наиболее выгодных предложениях. Благодаря этому фонд Библиотеки отвечает самым разнообразным вкусам наших читателей. Татьяна без сомнения является идеологом и движущей силой

этого казавшегося на первый взгляд безнадёжного, а на самом деле нужного и успешного предприятия. Короче, если библиотека может иметь душу, то Таня как раз и является не только её фундатором, но и трепетной душой. Все эти годы Татьяна оставалась руководителем дружной команды бескорыстных и преданных делу сотрудников Библиотеки.

А что же я? Я стараюсь быть в её тени, но держать при этом руку на пульсе.

Мои функции разнообразно менялись на протяжении многих лет. Я строил стеллажи и книжные полки, сидел на приёме-выдаче и ремонтировал истерзанные читательским интересом книги. Кроме того, на протяжении почти

пяти лет (2008 – 2012 г.г.) я писал небольшие рецензии на самые, как сейчас говорят, трендовые книжные новинки, появившиеся в нашей библиотеке. Эти аннотации публиковались в общегерманском журнале «Партнёр» и кёльнской газете «Форум», где нам выделяли подвал под названием «Библиотечный день». За эти годы было опу-

бликовано около 200 таких мини-эссе. Как ни странно, но народ живо реагировал на эти отзывы.

Принципиально важным моментом в судьбе Библиотеки стало наше знакомство с исполнительным директором кёльнской партии зелёных Дианой Зиберт. Диана не только активный политик, но также и широко образованный человек (доктор исторических наук), занимающаяся непростой историей белорусского Полесья. Она значительно лучше владеет русским языком, чем (увы) мы немецким, что позволяет нам успешно коммуницировать друг с другом. Однако самым главным достоинством Дианы являются её человеческие свойства.

Мы познакомились с Дианой на Съезде русских промышленников, который проходил в Кёльне в зале Гюрцених, куда мы пришли с протянутой дрожащей рукой, в которой держали рекламные листочки с просьбой о спонсорской помощи. Так вот единственной, кто откликнулась на нашу мольбу, была Диана Зиберт. Она решительно

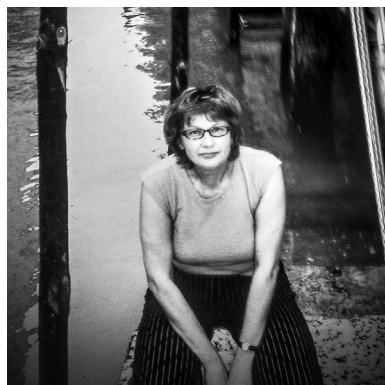
но взялась нам помогать. Благодаря её доброжелательному вмешательству, мы познакомились с руководством

«Sahle Wohnen»), а уже в 2003 году оформили юридический статус общества с ограниченной ответственностью. Диана охотно вошла в состав его правления, чтобы принимать посильное участие в деятельности Библиотеки. В результате из непрофессиональной библиотеки мы стали официальной организацией с названием «Общество друзей русской книги» – «Freunde des russischen Buchs NRW e. V.». Это позволило нам открыть счёт в банке, разработать и изготовить собственный бланк, штемпель и визитные карточки.

Теперь, находясь на стыке двух интернациональных районов Кёльна – Хорвайлера и Зееберга, команда волонтеров-библиотекарей стала пополняться новыми сотрудниками.

Вполне естественно, что на первых порах в наши ряды влилась бывшая Танина сотрудница (по Киеву) и одновременно близкая приятельница Алла Яровая.

Личность, многогранно интересующаяся многим, что можно было бы отнести к области культуры вообще и искусства в частности. Общение с ней для Тани всегда представляло интерес.

Но неуправляемость экзальтированного характера неоднократно приводила к длительным паузам в их отношениях. Прав был старик Аристотель, утверждая, что от любви до ненависти (хотя для данной ситуации это явное преувеличение) один шаг. Причём делать или не делать этот шаг всегда решала только Алла.

Вот и на сей раз, как сейчас любят говорить, что-то пошло не так, вожжа попала под мантию и Алла нас покинула, даже не пожелав объясниться. Таня, нужно сказать, это долго переживала.

Конечно, коллектив складывался не сразу, а постепенно, по безжалостным правилам естественного отбора.

Были просто «прохожие», были такие, что соглашались работать лишь при условии получения директорской должности или соответствующего вознаграждения, утверждая, что только дураки работают бесплатно. И это не фигура речи. Такова была реальность. Короче, приходили, уходили, не оставив после себя хоть какого-либо заметного следа. Мы считали эти потери издержками производства. Это огорчало, но мы твёрдо знали, что придут другие – настоящие. А вот, когда начались потери, связанные с уходом из жизни наших коллег, то с эти очень трудно было примириться.

В настоящее время наш мартиролог состоит уже из пяти фамилий, из пяти очень разных, но таких замеча-

тельных, таких дорогих нашему сердцу людей.

Первой ушла из жизни милойшая Татьяна Мелющенкова в прошлом инженер-механик, приехавшая из Брянска. Татьяна была самой молодой в нашей, деликатно выражаясь, великовозрастной команде. К сожалению, её сотрудничество с нами продолжалось всего два года. Но её личные

качества позволили Татьяне к взаимному удовольствию

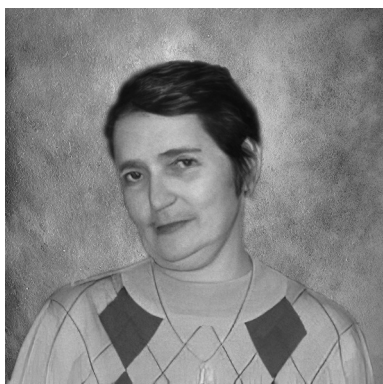
очень легко влиться в коллектив.

Позднее нас почти одновременно постигли две утраты. Об одной уже было сказано выше – это Леонид Овецкий, а вторая – Ирина Золотаревская, о чём мне писать особенно больно.

Это моя горячо любимая старшая сестра. Ира, воспитанная на лучших образцах мировой

литературы, была широко образованным человеком. При этом она обладала на редкость общительным, доброжелательным характером, тонким чувством иронии и юмора. Поэтому многие читатели, уже выбрав себе книжки, не очень торопились домой, подолгу и с удовольствием вели с Ирой весёлые разговоры на самые разнообразные темы. Не могу не добавить – всё лучшее, что в нас с Ирой было и есть, это от наших замечательных родителей.

Спустя год ушла из жизни переехавшая в Германию из Украины, в прошлом библиотекарь (к слову, единствен-

ный профессионал среди нас) Муся Райхман.

Она была очень скромным человеком, можно сказать даже незаметным, в самом деликатном смысле этого слова. Муся была хорошей хозяйкой, в чём мы неоднократно могли убедиться во время наших тихих новогодних застолий.

А в прошлом году после тяжёлой неодолимой болезни ушла в мир иной археолог из Москвы Марина Зайцева.

Общение с Мариной мне всегда доставляло большое удовольствие. Её начитан-

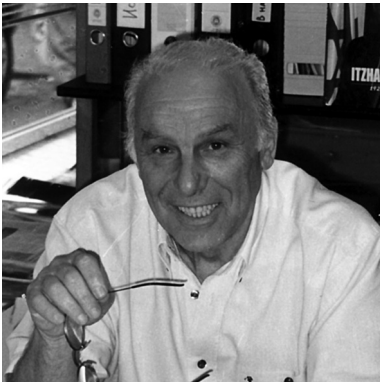
ность позволяла затрагивать практически любые темы. Отличительной чертой Марины было замечательное чувство самоиронии. Это всегда подкупало. Кроме того, её колкие, но не злобные замечания, доставались и другим. Как хочется думать, что смерть Марины была последней в нашем коллективе, но

сейчас принято говорить крайней

Теперь самое время снова поговорить о живых. Первый,

кого мне хотелось бы помянуть «не злым тихим словом» — это профессора-эколога, доктора наук, моего многолетнего друга и соратника (как видите, в чередѣ его званий это не самое высѳкое) Александра Бронфмана.

Алик, как он сам себя всегда называет, человек остро-го ума, не оставляющего никаких сомнений в рано сва-лившейся на него мудрости, что и привело его к соответ-

ствующей должности в нашем Обществе с (очень) ограничен-ной ответственностью. Только учёному такого уровня можно было доверить роль ревизи-ра, с которой он, конечно же, справился блестяще. Алик отличается восторженностью восприятия жизни, что позво-ляет легче относиться к её про-блемам. К сожалению, уже несколько лет в силу опреде-

лённым образом сложившихся обстоятельств мы оба не принимаем участия в трудовых библиотечных буднях.

Несколько лет тому назад с нашим дружным коллекти-вом по медицинским соображениям расстались корректор из Ленинграда Лариса Арнаутова и московская учитель-ница Раиса Каганер, о чём и они, и мы очень сожалели.

С Ларисой мы с взаимной приятностью ещё несколько

лет работали в славные вре-мена существования газеты «Круг». Лариса относится к категории людей, которые делают свою работу, как го-ворится, без шороха и пыли. Если бы меня попросили на-звать три главные черты Ла-рисы, проявившиеся во время нашего сотрудничества — это скромность, безотказность и общительность.

Лучше Раисы Каганер в зале с читателями не работал никто. Со знанием дела и со свойственной многим преподавателям убедительностью Рае удавалось подбирать нужную литературу даже самым капризным клиентам.

Много лет мы принимали участие в ежегодном районном празднике, где можно было за гроши продавать книжные дубликаты. В этом ей не было равных. Пронзая своими огромными глазами случайно проходящего мимо нашего павильона немца, Рае с лёгкостью удалось всучить ему даже совершенно ненужную книжку на русском языке.

Обычно эти торжества происходили в первое воскресенье июня на Паризерплатц. В них принимали участие все общественно-полезные организации, находящиеся в районе Хорвайлер. Мы также всегда получали приглашение и с радостью принимали его.

Ранним воскресным утром нужно было прибыть в районную ратушу (исполком) Хорвайлера, чтобы получить сборно-разборный павильон, столы, стулья и изготовленную специально по этому случаю табличку (шильд) с названием нашей организации. Здесь можно было рекламировать деятельность нашей Библиотеки. Установив у входа в павильон красочный информационный стенд, мы щедро раздавали потенциальным читателям наши визитные карточки и флаеры и продавали по символической цене (50 центов) отобранные для этой цели книжки-двойники.

Городские власти позволяли даже заниматься мелкой коммерческой деятельностью без обложения её налогом. Выручка шла на развитие библиотечного фонда. Учитывая интернациональный состав жителей района, там можно было отведать блюда африканской, итальянской, турецкой, греческой и русской кухонь. Кроме того, на им-

провизированной, но хорошо оборудованной, сцене шёл непрерывный интернациональный самодеятельный концерт. По сути дела это был фестиваль дружбы народов районного масштаба. Короче, эти самые народы и отрывались, как могли. И действительно, учитывая хороший аппетит участников и солнечную погоду, повсюду царило праздничное настроение. Ведь лозунг: «Хлеба и зрелищ!» никто не отменял. Но, к сожалению, последние 3-4 года, мы вынуждены были отказаться от участия в этом празднике жизни из-за естественного взросления (как вам формулировочка?) нашего коллектива. Сборка-разборка павильона, переноска мебели и книг стали нам просто не по силам.

Было бы не справедливо не отметить, что по численности в нашей библиотечной дружине преобладают выходцы из Ленинграда – Санкт-Петербурга. Но прежде, чем перейти к представительницам так называемой культурной столицы России, мне хотелось бы упомянуть ещё трёх сотрудниц нашего книжного парадиза.

Марьяса, она же Мара, Холметская, приехавшая в Германию из Днепропетровска, инженер по профессии, вошла в наш книжный ансамбль, как мне помнится, по

рекомендации Инны Короткиной, о которой ещё пойдёт речь ниже, а возможно, и по подсказке своего сына Владимира, нашего многолетнего активного и квалифицированного читателя.

Марьяса – человек лёгкий в общении, обладающая мягким и бесконфликтным характером.

Не без решительного вмешательства (буквально за руку привела) всё той же Инны Короткиной мы познакомились с Тамарой Вахрушевой – программисткой из Липецка.

Тамара отличается завидной энергетикой, решитель-

ным характером и чёткостью мышления, что так характерно для людей её такой востребованной в современном мире профессии.

Процесс обслуживания читателей уже давно отработан до мелочей. В зависимости от их наплыва за столами сидят 2-3 человека; один возвращает свежесданные книжки на полки, а ещё один – работает

в зале непосредственно с читателем, отвечает на вопросы, даёт советы в попытке удовлетворить их постоянно растущие интеллектуальные запросы. Обычно через час – полтора Лариса Годик произносит сакраментальную фразу: «А не попить ли нам чайку». Лариса как-то сразу возложила на себя ответственность за проведение чайной церемонии. Поскольку в желающих обычно недостатка не было (не в ущерб, разумеется, читательскому спросу), то вскоре на столе появлялись чашки с ароматным чаем и тарелка с различными вкусняшками – подношения благодарных читателей.

Лариса, приехавшая с мужем из Баку (точнее, едва унесшая ноги от событий, разразившихся после падения СССР), химик по специальности, на самом деле, удивительный человек. Её, фигурально выражаясь, можно прикладывать к любым ранам, она готова прийти на помощь каждому, кто в ней нуждается, что и проверено на собственном опыте. В определённых ситуациях Ларису можно было бы величать эликсиром хорошего настроения. Главной же специализацией Ларисы в нашей

эликсиром хорошего настроения. Главной же специализацией Ларисы в нашей

библиотеке является ремонт истерзанных повышенным читательским интересом книжек. Это нехитрое, но кропотливое, занятие перешло к ней от меня. Теперь я с гордостью могу говорить, что и после меня останутся ученики.

Наконец, очередь дошла до уже неоднократно упоминаемой Инны Короткиной – представительницы того самого питерского десанта, являющегося едва ли не нашим ядром.

Инна, инженер по специальности, человек образованный и начитанный, здесь с полной самоотдачей переключилась на библиотечное дело. Инна обладает живой смекалкой, молниеносной реакцией, деловитой хваткой и бескомпромиссным характером. С ней не забалуешь. Так что бывали ситуации, когда доставалось всем. Но я всегда готов был променять (имеется в виду мой прошлый опыт) нескольких вялотекущих коллег на одну такую огневую, как Инна. Как-то я назвал её электровеником, и Инна не обиделась, а мне было приятно. А ещё хотелось

бы отметить, что большинство примкнувших к нам сотрудников были умело завербованы именно Инной.

С особой теплотой произношу имя Натальи Раксиной, педиатра из Ленинграда.

Наташа, самая взрослая (пardon) в нашей дружине. Она обладает благородной осанкой и особым чувством собственного достоинства, позволяющим ей нести с гордостью новое для себя звание библиотекаря-любителя. Наташа любознательна и активна,

что свидетельствует о её нестареющей душе. Именно Наташа когда-то познакомила нас с Димой Случанским, что позволило пусть со скрипом (намекая на развалившийся шкаф) пережить трудное время.

Позже всех Санкт-Петербург делегировал в наши пены инженера-строителя Матильду Бейм, даму вполне аристократичной внешности «приятную во всех отношениях». Матильда, она же Мая, на всё происходящее имеет свою незыблемую точку зрения, далеко не всегда совпадающую с общепринятым мнением, что иногда приводит

к живым дискуссиям и даже спорам. А в спорах, как известно, рождается истина.

Два года тому назад вновь нашего полку прибыло. Свои услуги нам предложила относительно молодая женщина (всё познаётся в сравнении), москвичка Ирина Ройтберг, почему-то не пожелавшая раскрыть род своей прежней деятельности.

Однако вскоре стало ясно, что Ирина (должен сказать без малейшей тени иронии) оказалась для нас очень ценным приобретением. Она фонтанирует замыслами, генерирует свежие идеи и демонстрирует достаточный запас

энергии для их претворения в жизнь. Кроме того, Ирина хорошо владеет немецким языком, что позволяет решать вопросы на внешнем уровне без посторонней помощи. Среди её достижений хотелось бы выделить создание читательского клуба и организацию работ по улучшению освещённости помещения библиотеки. Не говоря уже об эффективно-

сти некоторых её шагов на финансовом фронте. Наконец, появился человек, которому рано или поздно Татьяна сможет с лёгким сердцем передать эстафетную палочку...

Ну вот, теперь я могу с уверенностью сказать – «никто не забыт, ничто не забыто». Благодаря усилиям всех выше упомянутых замечательных сотрудников (ушедших и ныне действующих) наши читатели имеют возможность знакомиться с лучшими образцами русской и зарубежной литературы различных жанров и направлений. Каждый из нашей славной библиотечной дружины готов подписаться под каждым словом, изречённым ещё в середине XIX века знаменитым английским писателем Уильямом Теккереем: «Что за наслаждение находиться в хорошей библиотеке. Смотреть на книги – и то уже счастье. Перед вами пир, достойный богов; вы сознаёте, что можно принять в нём участие и наполнить до краёв свою чашу».

Посетив всемирную паутину по адресу: www.rusbib.de, каждый книголюб может оценить богатство книжного фонда нашей Библиотеки. В настоящее время библиотека «Друзья русской книги» является самым большим собранием литературы на русском языке в земле Северный Рейн-Вестфалия (свыше 20 тыс. единиц хранения).

Это благодаря доброжелательности, толерантности и радушию всех сотрудников, успешно действует и развивается наша Библиотека. Это благодаря их взаимозаменяемости под мушкетерским девизом «один за всех и все за одного» обеспечивается её бесперебойная работа. Честь им и хвала!

Мы признательны всем, кто эти годы, как мог, поддерживал нас. Особые слова благодарности заслуживают те благородные люди, которые безвозмездно предоставляли нам помещение. Где бы мы все эти годы обретались, если бы не наши бескорыстные «крышеватели»...

Самых добрых слов заслуживают те, кто дарил библиотеке свои книги. Это владелица книжного магазина «Согласие» Лина Михальская, покойные супруги Славутские, наш читатель В. Воеводин и проф. Феликс Гимельфарб, чьи книжные дары трудно переоценить. Мы и сами

с радостью делились и делимся нашими книгами-дубликатами с дружественными библиотеками – побратимами (Брюссель, Бонн, Кёльн -Порц, Фрехен).

Спасибо и тем, кто отказывал нам в поддержке. Благодаря этим персонам, мы учились преодолевать трудности, а, значит, становились сильнее.

Но вот пришёл високосный 2020 год. Старожилы из народа и даже многие яйцеголовые утверждают: жди беды. Они считают, что именно на високосный год приходятся несчастья и катастрофы разного масштаба: как персональные, так и глобальные. Один из них безапелляционно заявил на Первом канале российского телевидения, ссылаясь на эпидемию «испанки», разразившуюся 100 лет назад, что теперь подобные эпидемии будут возникать каждые 100 лет с апогеем именно в високосном году. Невольно приходят на ум строки А. С. Пушкина (наше всё):

Ученый малый, но педант:1
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока

Вот и на сей раз они не ошиблись – на планету Земля обрушилась чудовищная пандемия коронавируса. Когда я пишу эти строки (24 марта 2021 года), Всемирная организация здравоохранения опубликовала актуальные цифры о заболевших и умерших. Они составили 125.135 000 и 2.751 000 соответственно. Для сравнения приведу данные из моего эссе «Под знаком короны», написанного ровно год тому назад. Тогда (18 марта 2020 года) в мире официально было зарегистрировано 205 450 больных, из которых скончалось к тому времени 8250 человек преимущественно пожилого возраста. Это сравнение, мягко говоря, не улучшает настроения.

К сожалению, в связи с ужесточением карантинных мер, мы вынуждены были надолго закрывать двери Библиотеки, что понятным образом в первую очередь сказалось на нашем финансовом положении. Оно и понятно – читатель ушёл на самоизоляцию, перестали поступать

членские взносы, а арендную плату – вынь да положь.

В этот тяжелейший период нам протянула свою волшебную руку помощи доктор Ольга Дуб.

Её мануальная терапия в виде ежемесячного спонсорства, была настолько эффективной, что позволило Библиотеке, используя медицинскую терминологию, успешно пройти реабилитацию, вновь расправить плечи и вернуться к своей продуктивной просветительской де-

ятельности.

А ещё во время галопирующей коронавирусной эпидемии на всех оказывает неодолимое давление фактор ограничения личной свободы. Это явление нельзя ни измерить, ни взвесить, ни посчитать. Вынужденное закрытие Библиотеки в период острой фазы эпидемии, так называемый локдаун, лишило сотрудников Библиотеки привычной осмысленной жизнедеятельности. К тому же, очень не хватало и не хватает встреч с друзьями – приятелями, не виртуально, а вживую, глаза в глаза. Так хочется посидеть за столом, выпить рюмку-другую, закусить, чем Б-г послал и всласть потреться.

Открою секрет – мы очень хотели наш четвертьвековой юбилей отпраздновать, что называется, на широкую ногу. Но «До того ль, голубчик, было?». Маски, перчатки и обязательная дистанция в 2 метра. Ну, как тут праздновать? Ни пожать руки, ни обнять. И, если выпить через маску всё-таки можно, хоть и противно, но вот закусывать – совершенно исключено. Однако если говорить всерьёз, то любые торжественно-увесилительные мероприятия нам кажутся в этих обстоятельствах неуместными. Это был бы подлинный «пир во время чумы». Потому мы решили дождаться лучших времён. Мы верим, что они придут, и уж тогда дадим жару!

**Статьи о деятельности кёльнской библиотеки
«Общество друзей русской книги»
«Freunde des russischen Buchs NRW e. V.»:**

Григорий Пруслин «В год по тысяче томов»
«Рейнская газета» №40 2006 год
Валерий Золотаревский «Исповедь юбиляра»
Газета «Форум» №11 2006 год
Демьян Фаншель «Люди Книги, или Хранители»
Журнал «Партнёр» №11 2006 год
Ольга Халле «Хранители духовного очага»
«Рейнская газета» №6 2007 год
Валерий Золотаревский «Хрустальный юбилей»
Газета «Форум» №12 2011 год
Валерий Золотаревский «15 лет служения книге»
Газета «МК-Германия» №1 2012 год
Лиля Туровская «Русская библиотека на улице Карла
Маркса»
Газета «Киевский вестник» №99 2014 год
Григорий Пруслин «Нам двадцать лет»
Журнал «Контакт-Шанс» №40 2016 год
П.О.Читатель «Четверть века просветительства»
«Общинная газета» №10 2020 год
Полдюжины статей в немецких средствах массовой ин-
формации.

24 марта, 2021 года

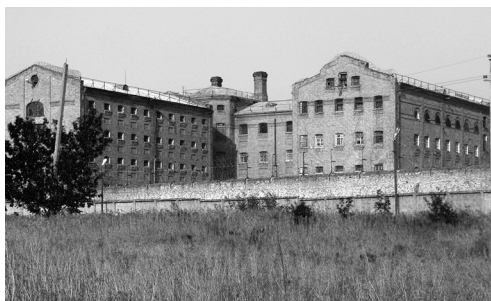
6

сантиметров

Должен заверить, что хотя моё появление на свет было по принятым в народе расчётам своевременным, но по сложившимся обстоятельствам – оказалось совершенно некстати. В это время мой папа, с которым по понятным причинам я ещё не был знаком, вот уже более полугода находился в следственном изоляторе новочеркасской тюрьмы, имеющей романтическое название «Красная горка». В те годы пылающий под южным солнцем Новочеркасский централ использовался в качестве перевалочного пункта на пути в далекую Якутию. Здесь, в этом адовом котле, ждали своей горькой участи сотни заключённых – от матёрых уголовников до, так называемых, врагов народа. Кстати, в соседней камере с октября 1938 года до середины 1939 года находился С. П. Королев по обвинению в подрывной деятельности на промышленных предприятиях оборонной отрасли.

Весной 1937 года папа получил направление на важнейшую стройку пятилетки – Новочеркасский паровозостроительный завод, где по приезде с места в карьер он был назначен заместителем главного энергетика завода. В эти печально знаменитые годы по всей стране прокатилась волна ежовских процессов. Повсюду выискивали шпионов, вредителей и контрреволюционеров. Так очередь дошла и до технической интеллигенции. Под этот чудовищный каток попадали даже молодые специалисты. «Лес рубят – щепки летят!». Народ состоял из одних щепок и винтиков.

В мае 1938 года папу арестовали. Ему и трём его сотрудникам было предъявлено обвинение во вредительстве по заданию иностранной державы.

Допросы длились беспрерывно всеми дозволенными и недозволенными методами. Забегая вперёд, скажу, что через 16 месяцев состоялся суд, который на

удивление всем неожиданно оправдал папу и его коллег – подельников.

Домой вернулся пожилой, беззубый и седой, как лунь, человек. Таким я впервые увидел своего папу. Ему было 33 года.

Мама разрывалась между работой, домом и посещениями тюрьмы со скудными передачами для папы. Моя старшая сестра Ира, которой к тому времени уже исполнилось 6 лет, отличаясь беспокойным характером, требовала за собой постоянного и пристального пригляда.

Однако как бы то ни было, но 11 января 1939 года в городе Новочеркасске родился мальчик, на которого сбежались посмотреть все ходячие в роддоме. Ребёнок имел 5 килограммов вполне живого веса и рост – 55 сантиметров. Ну, чем ни донской казак! В этом небольшом автобиографическом эссе слово рост сыграет решающую роль.

В конце 1939 года семья вернулась в Киев, но спокойная жизнь длилась недолго. Началась самая страшная в истории человечества война, которая, как известно, длилась почти 6 лет.

После возвращения из эвакуации родители с головой окунулись в попытки наладить мало-мальски приличный быт. С утра до вечера они находились на работе, которая отнимала всё время и силы, однако давала пусть ничтожные, но такие необходимые возможности для поддержания относительно приличного существования. Время было голодное. Мы с сестрой, как изголодавшиеся птенцы, всё время ходили с широко распахнутыми клювами. Но далеко не всегда представлялась возможность удовлетворить наши постоянно растущие потребности. При этом, если Ира ещё выглядела более или мене прилично, то я долгое время являл собой нечто крайне мелкое и худосочное.

Однажды между мамой и папой состоялся, на мой взгляд, довольно странный разговор. Признаюсь, я очень любил слушать разговоры взрослых, особенно родителей. Я был уверен, что эти разговоры таят в себе какие-то сказочные перспективы и неожиданные сюрпризы. Хотя

твёрдо знал, что подслушивать нехорошо, но никак не мог отказать себе в этом удовольствии. Я замер, прижавшись к двери со стороны спальни, в надежде услышать что-то очень важное и даже таинственное.

— Риточка, мне кажется, что Валик существенно отстаёт в росте от своих сверстников – дворовых пацанов.

— По правде говоря, я этого не замечаю.

— Как раз вчера, идя по двору, я обратил внимание, что в гурьбе мальчишек Валик казался едва ли не самым маленьким.

— Возможно, он просто самый младший среди них.

— Я так не думаю. Я считаю, что нам нужно постараться немного улучшить детский рацион.

— Наверно ты прав. Только нужно подумать, чем и как.

— А ещё. Я решил, каждое первое число замерять рост Валика, делая карандашом соответствующие отметки на дверном проёме.

Идея мне понравилась, только показалась слишком затяжной. Мне хотелось, чтобы папа проделывал это со мной как можно чаще. Но на практике эта процедура оказалась не столь регулярной. Постепенно замеры стали происходить лишь раз в год в день моего рождения. Какое-то время я, как молодой и растущий организм, получал дополнительное питание – три раза в неделю к утренней каше мне мама отваривала яйцо всмятку.

Переходной период от моего детства к юности окрасился, в прямом и переносном смысле, тяжёлым фурункулёзом, с которым при отсутствии антибиотиков можно было бороться лишь омерзительным пойлом – пивными дрожжами. Папа раз в неделю рано утром отправлялся с 2-х литровым бидоном на Сталинку, где в ларьке Киевского

Пивзавода №1 он покупал эту пакость. Папа свято верил в её чудодейственную силу, утверждая при этом, что я теперь точно вырасту «как на дрожжах». До сих пор без дрожжи (пардон за каламбур – не смог пройти мимо) не могу вспоминать.

Я прочитал как-то в журнале «Наука и жизнь», что в течение дня рост человека меняется в среднем на 1—2 см., при этом наибольшей длины организм достигает сразу после сна. Поэтому я в свой день рождения, едва проснувшись, бежал к папе, но не за подарком (как такое даже в голову могло прийти!), а для очередной чёрточки на дверной раме. Однако шкала карандашных отметок ползла вверх очень медленно. Я по-прежнему отставал в росте от своих сверстников, только теперь уже от соучеников. Особенно это было заметно на уроках физкультуры. Наш учитель Александр Михайлович в начале урока в обязательном порядке выстраивал нас по росту и делал переключку. Так вот в этом негласном соревновании я вплоть до девятого класса занимал второе место с конца.

Пришёл 1955 год. Я только что закончил девятый класс, и мы всей семьёй отправились отдыхать в Юрмалу. Уже там папа обратил внимание, правда как-то без уверенности в голосе, на то, что я вроде бы подросток. На современном диалекте это прозвучало бы примерно так: «как бы, на самом деле, вроде бы подросток». В срочном порядке практически в полевых условиях была создана измерительная лаборатория, с помощью которой удалось установить прибавку в моём росте на целых пять сантиметров. А теперь пусть прозвучит сакраментальная фраза из современной рекламы: «Но это ещё не всё!». И действительно. Хотите – верьте, хотите – нет, но к 1 сентября я вытянулся ещё на 4 сантиметра. Теперь я представлял собой угловатую жердь, не достигающую в весе даже 60 килограмм.

Весной 1956 года я проходил медкомиссию в Ленинском райвоенкомате, расположенном тогда в районе улицы Басейной. Меня забраковали, но сейчас речь не об этом, записав такой желанный, но одновременно и обидный приговор – «не годен в мирное время». Хотелось думать, что

всё-таки я был хоть на что-нибудь да годен. На странице, где были записаны мои антропометрические данные, я увидел: окружность головы – 58; размер обмундирования – 44; размер обуви – 43 и, наконец, рост, тут я делаю мхатовскую паузу и с гордостью произношу – 181 см.

Шли годы. С лёгкой грустью смотрю сейчас на себя в зеркало. Куда, чёрт возьми, исчезли прежние контуры. «Где ваши локоны?». Даже голова, несмотря на полное отсутствие волос, показалась крупнее, да и ноги за жизнь явно растоптались. Я уже не говорю о 56 размере моей нынешней одежды. При этом я твёрдо знал из того же журнала «Наука и жизнь», что с годами позвоночник становится немного короче. Поэтому меня утешило лишь то, что, как мне показалось, я в росте потерял не больше 1–2 сантиметра. Но то, с чем мне пришлось столкнуться совсем недавно при обследовании на наличие остеопороза, повергло меня в шок и послужило весомым поводом для написания этого текста.

Процедура, называемая непонятным словом денситометрия, оказалась довольно простой. Сначала определяют вес и рост обследуемого, а за этим уже проводится ультразвуковое обследование, которое собственно и даёт ответ о плотности костной ткани. Когда после замера доктор озвучила мой рост, я обомлел. Оказалось, что я укоротился не на ожидаемые 1–2 см., а на целых шесть сантиметров. «Ну и что за беда?», – спросите вы. А дело в том, что недавно были опубликованы результаты серьёзных геронтологических обследований. Эксперты отобрали около 20 тысяч добровольцев, обработанные данные которых показали, что возрастные уменьшения роста могут свидетельствовать о снижении важнейших когнитивных (слово-то какое) функций – внимания, памяти и интеллекта. Вот и жди теперь.

Апрель, 2021 года

***Бланкештайн
2021***

Вновь я посетил
Тот уголок земли

А. С. Пушкин

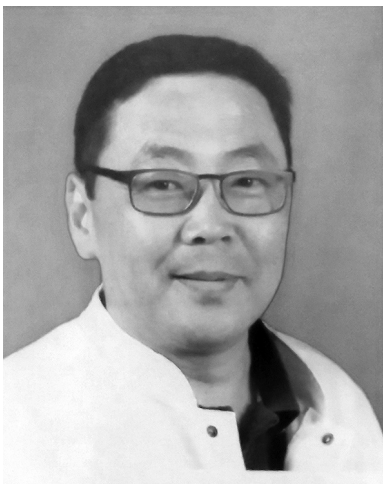
Нашему удивлению не было предела. Мы вновь получили направление и разрешение от больницы на лечение накопившихся недугов в Клинике Бланкенштайн. Это тем более удивительно, что нам хорошо известна прижимистость всех больничных касс, а особенно АОК. Однако мы попадаем сюда за последние пять лет уже в третий раз без малейших усилий с нашей стороны. Недавно в телефонном разговоре с Таниным кузеном Рене я имел неосторожность рассказать о нашем предстоящем пребывании в этой Клинике. В ответ он оглушил меня залпом неожиданных эмоций. Как в калейдоскопе, сменяя друг друга, срывались такие слова, как расточительность, социальное пособие, благотворительность и многое другое. Он утверждал (негодование уступило место растерянности), что, прожив всю свою сознательную жизнь в Германии, никогда ни о чем подобном даже не слышал. И все-таки, мне показалось, что Рене был искренне рад за нас. Прощаясь, он пожелал нам эффективного лечения и приятного времяпрепровождения, и мы стали готовиться к отъезду.

Вот уже полтора года весь мир живет под дамокловым мечом коронавирусной пандемии. Количество зараженных и ушедших в мир иной, несмотря на возможности современной медицины, продолжает расти и уже зашкаливает за все мыслимые и немыслимые представления о вирусных эпидемиях. Эти беды не обошли стороной и Германию, славящуюся своими высокими уровнями медицины и коллективной дисциплины. Соответственно с возникшей ситуацией в стране был установлен строгий локдаун, что потребовало дополнительных мер при оформлении нашего пребывания в Клинике.

Главной проблемой оказалось обязательное предъявление в приемном покое Клиники негативного PCR-теста, который делается не позднее, чем за 48 часов. Учитывая,

что нам были назначены дата и время приема на 27 апреля к 8 утра (а это вторник), то соответственно время сдачи теста припадало как раз на воскресенье. А воскресенье – оно и есть воскресенье. Не работает никто. На решение проблемы были брошены самые влиятельные силы. В понедельник утром нам сделали тест в практике нашего любимого доктора - Ольги Дуб. Эта удивительная женщина еще и пообещала проследить, чтобы лаборатория своевременно прислала наши результаты в Клинику.

Так и случилось. Однако все эти усилия пришлось как раз коню под хвост. В Клинике нас радостно встретили сообщением, что в связи с обрушившейся третьей волной пандемии они признают теперь только свое тестирование, несмотря на своевременно пришедший факс из Кельна. А посему после взятия мазков они на сутки закрыли нас до получения ответа из своей лаборатории в палате номер 5 на третьем этаже. Но, к счастью, мы оказались настолько стерильными, что уже под вечер нас выпустили из заточения, правда предупредив, что утром сразу после завтрака меня переведут в палату номер 6 (привет от А. П. Чехова), расположенную через стенку. Первую половину дня с нами провел наш палатный врач д-р мед. Эрдэм, знакомый мне еще по прошлому пребыванию здесь.

Он выходец из Монголии, где закончил в Улан-Баторе Медицинский университет и продолжил свое образование уже здесь, в Германии. Скажу откровенно – нам с доктором повезло. И дело не в его двойном образовании или очевидном опыте. В Монголии в обязательном порядке изучали (не знаю, как сейчас) русский язык. В результате наш жалкий немецкий плюс крохи его русского позволили довольно успешно понимать

друг друга. Доктор очень внимательно ознакомился с нашими жалобами и принесенными от кельнских врачей документами и сказал, что к вечеру он сделает все необходимые назначения и передаст их через дежурную сестру. Уходя, он не упустил случая напомнить, что утром меня ожидает палата номер 6, а значит, завтра нам предстоял решительный развод. Да, да! Не удивляйтесь. Здесь такие порядки. Никакие аргументы и доводы не работают. Больных размещают в двухместных палатах исключительно по половому признаку. Такая здесь целомудренная администрация.

Подаренная нам брачная ночь прошла, как и можно было предположить, без особенностей, если не считать неудобств, связанных с больничными кроватями, точнее с их оснащением - матрасами и подушками. Единственным спасением явилось вынужденное пробуждение в 6 утра, поскольку уже в 6-15 начинается лечебный процесс. Но об этом чуть позже. После завтрака нас вновь посетил палатный врач и, невольно скрывая под защитной маской добрую скуластую улыбку, застенчиво произнес: «Можно спать еще один недель вместе». Ну, как тут не вспомнить «Попутную песню» М. И. Глинки – «Веселится и ликует весь народ». Так что по советским традициям продолжаем осваивать (преодолевать) целинные и залежные земли немецких правил, законов и подзаконных актов.

Спустя два дня, был плановый обход отделения шеф-директором Клиники. Роня скупую мужскую слезу, он процедил сквозь зубы, что принял решение - позволить нам совместное проживание еще на 6 дней, нарушив тем самым им же установленные незыблемые правила. Так что наши брачные ночи получили неожиданное продолжение. Осталось только совершенно необъяснимым сакраментальность числа 6. Но это не единственная загадка, с которой я столкнулся в моей жизни, и, которую я так и не смог решить.

Осенью 2015 года я впервые проходил курс исключительно нетрадиционного лечения здесь в Клинике Бланкенштайн, о чем со всеми подробностями поведал в

«Записках выздоравливающего», вошедших в сборник «Такое... и думы». Поэтому, чтобы не повторяться, я, на сей раз, решил описать лишь один рабочий день нашего нынешнего пребывания здесь.

Итак, четверг 29 апреля 2021 года. Подъем в 6-00. Наскоро сбегал в туалет, принял утренние таблетки, расстелил поперек кровати сложенные бутербродом огромную голубую простынь и два больших махровых полотенца и улегся сверху на всю эту роскошь в ожидании процедуры. Точно в 6-15 (время процедуры указано в карте прописей) отворилась дверь, впустив в палату дежурную сестру, которая бережно уложила на мою поясницу небольшой горячий мешок с набором специальных сухих трав под общим названием - сено, придавив его мешком, нафаршированным горячей болотной грязью. Затем она меня запереленала, как дитя малое, в упомянутые выше полотенца и простыню, подоткнув со всех сторон одеялом. Так нужно пролежать 30 минут, затем саморазоблачиться (распеленаться) и дальше оставаться еще 30 минут под одеялом до полного (не подумайте плохого) остывания. Эта процедура называется «обертывание мхом». Во время праздного лежания приносят кувшины с лечебными чаями (Тане – номер - 16, снимающий стресс; мне – номер 20, нормализующий работу кишечника-желудочного тракта), меряют температуру и давление.

Ровно в 7-15 приносят завтрак. Едва я успеваю сделать свой комплекс утренней зарядки, как уже подпирает следующая процедура. В 8-00 меня голого принимают под белы рученьки две дамы, «приятные во всех отношениях», оглядывая с пристрастием (дескать, не слишком ли я стар для этого мероприятия), и все-таки предлагают мне окунуться в ванну с горячей (42 градуса) жидкой болотной грязью. От стеснения я тороплюсь и очень неуклюже плюхаюсь в ожидающую меня емкость, слегка забрызгав медперсонал, и совсем немножко (для красоты) стены. Как вы понимаете, волны бушевали не только в ванной. Но «танки грязи не боятся», и я провел там положенные мне 20 минут. Должен сказать, что эта процедура оказа-

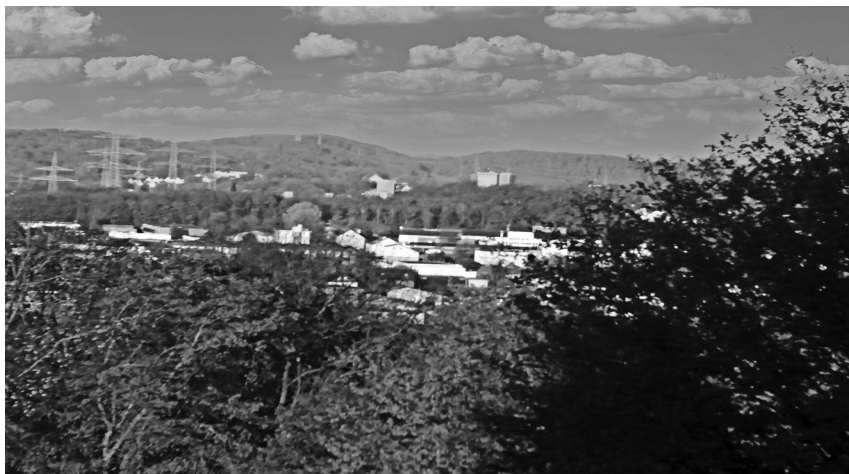
лась для меня слишком нагрузочной. Пришлось прилечь. Но не с моим счастьем – пришел с визитом шеф-директор клиники проф. Д-р Андре-Михаэль Биир. Однако об этом я уже рассказывал.

Спустя полчаса появился наш палатный врач и с ловкостью опытного иллюзиониста и необъяснимой щедростью вонзил в наши страдающие тела бесчисленное количество иглол. Досталось и плечам, и голове, и рукам, и ногам. Глядя на свое левое колено, я припомнил мамину розовую бархатную подушечку с иголками для шитья.

В 11-15 по незыблемому расписанию обед. Меню касаться не стану, чтобы не портить ни себе, ни вам настроение. Забегая несколько вперед, лишь скажу, что 1 мая в качестве гарнира нам подали ярко красную картошку, намекая, вероятно, на красный день календаря. Теперь плавно перехожу к следующей процедуре, которая назначена на 12-15. Снова в кровать, снова обертывание со всеми причиндалами, снова на час. Но расслабиться не дают. В 13-30 в зале на 5 этаже под крышей - специфическая гимнастика для ревматиков. Таню почему-то тоже сюда включили, видно решив, что муж и жена одна сатана. Занятия длятся 30 минут. Сачковать не удастся. Изрядно уставшие возвращаемся в палату. Только я присел, чтобы прилечь, как уже надо собираться на лекцию «О здоровой пище». Заметьте, слова вкусной в названии нет. Присутствие на лекции считается частью лечебного процесса, и потому скрупулезно фиксируется. Так что не забалуешь. Но эффективность этих докладов для нас с Таней крайне низкая. Во-первых, мы плохо знаем язык, во-вторых, мы стали малость глуховаты, а, в-третьих, маска на лице докладчика не добавляет понимания сказанному.

А рабочий день тем ни менее продолжается. Уже в 17-15 на нашем столе вырастают два подноса с ужином, и надо торопиться с ним расправиться, потому что в 18-15 нам назначена последняя на сегодня процедура – вновь «обертывание мхом», и, как вы уже догадались, снова она тянется целый час. Припомнился В. В. Маяковский: «Грудой дел, / суматохой явлений / день отошел, / постепенно стемнев».

На прогулку перед сном остается не больше часа. Но как же здесь красиво! Бланкенштайн расположен в самом сердце долины реки Рур.

День действительно затих. Притихли и мы, с легким кряхтением укладываясь в не очень приветливые постели.

Если ко всему сказанному добавить процедуры, проводимые в другие дни – массаж плечевого пояса, сеансы ультразвука и холодные компрессы на левое колено, массаж кишечника, фанго на все тело и обязательные вечерние прогулки по прекрасному больничному саду, наполненному ароматом сирени и мягкими трелями уже сонных дроздов, то перечень процедур можно считать исчерпанным.

Еще хотелось бы поделиться двумя любопытными, на мой взгляд, наблюдениями. Старше нас, по крайней мере в нашем отделении, никого нет. На мой вопрос палатному врачу, так ли это, получил короткий и четкий ответ: «Вы – чемпионы». Я думаю, что это связано с коронавирусной пандемией. С одной стороны, врачи не рискуют направлять возрастных пациентов в места повышенного скопления людей, с другой стороны, больные, перенапуганные СМИ, сами не решаются на это. Горько думать, что отсутствие в Клинике стариков еще может быть связано с ужа-

сающими цифрами общей смертности.

Основной контингент – это молодые и среднего возраста женщины, что и породило мое второе наблюдение. Мужчин практически нет. Разве что, пара заваливающих, таких, как я. Что бы это значило? Не знаю. Можно предположить, конечно, что мужское поголовье поздоровее, чем женское. Но в это верится с трудом. Ведь статистика утверждает прямо противоположное. Средняя продолжительность жизни (данные по Германии) женщин на 5 лет больше чем мужчин. Тогда что же? Единственное, что приходит в мою безрассудную голову это – женщины с удовольствием ложатся на подобную профилактику, чтобы хотя бы на две недели отдохнуть от опостылевшей кухни и прочих домашних забот, а мужчины, пользуясь отсутствием женщин, вырываются на свободу, чтобы немного пошалить. Какая глупость! Согласен. Тогда придумайте ответ сами.

Завершить наше пребывание в Клинике мы решили посещением грота Лурдес, расположенного в больничном саду. Этот грот с белоснежной фигурой Святой Девы

Марии, построенный в 1910 году, является почти точной копией пещеры Массабьель из французского города Лурд. Мы подумали, что Святая Дева Мария, оценив усилия любимого доктора Ольги Дуб и услышав наши молитвы, создала самую благоприятную атмосферу для нашего благополучного здесь пребывания. Это благодарственное легкодоступное паломничество нам стало удачным завершением нашего оздоровительного цикла.

Закончив последний абзац, я неожиданно обратил внимание, что три слова (почти подряд) начинаются с «бла». Можно было бы, разумеется, легко найти им замену, но я с грустью увидел в этом некую примету. Трижды повторенное «бла» означает – пустословие.

Май, 2021 года

***Командировка
(Минувшее)***

Было обычное рабочее утро. Я сидел за своим столом в техбюро механического цеха и, как всегда, в последнюю минуту готовился к планёрке у начальника цеха. Я в то время был руководителем цехового технологического бюро. Эта должность предполагала моё прямое подчинение с одной стороны, начальнику цеха – по вопросам производства, а с другой стороны, главному технологу завода – по вопросам технологических решений в производственном процессе. И как бы в подтверждение этого раздался звонок телефона прямой связи с ним. Я снял трубку и услышал лаконичное: «Поднимитесь ко мне». Никакие отговорки по поводу предстоящей планёрки в данной ситуации не могли помочь. Срабатывала иерархия. К тому же я всегда помнил, если прокурор предлагает садиться, то неудобно стоять.

По дороге я заглянул к начальнику цеха, чтобы предупредить о моём возможном опоздании на планёрку. В ответ он, хитро улыбнувшись, произнёс: «Иди, иди. Я в курсе». Зайдя в кабинет главного технолога, я увидел кроме хозяина кабинета ещё и Лёню Крамера – инженера-технолога по оборудованию. Этот уже немолодой человек был известен нам, его коллегам (особенно дамам), как закоренелый холостяк. Но эта деталь к делу не относится. Через полчаса мы вышли из кабинета с уже полностью оформленными командировочными документами. Наше задание состояло в том, чтобы смотаться в Башкирию на «Стерлитамакский станкостроительный завод» и попытаться выбить там на месте под невыбранные министерские фонды для моего цеха два фрезерных станка с ЧПУ. В начале семидесятых годов прошлого столетия это был последний писк станкостроительной моды.

Сборы были, как говорится, недолги, затем каких-нибудь 20 часов полёта с пересадками и мы в Уфе. А оттуда уже до Стерлитамака рукой подать – всего 100 километров. До заранее заказанной гостиницы Ашкадар (а это в те годы, поверьте, было тоже не просто) мы добрались поздно вечером, где нам на двоих был предложен двухкомнатный номер «Люкс». Для провинциального города

этот номер выглядел вполне комфортно. Разложив вещи, мы решили сначала спуститься в ресторан и поужинать, поскольку запасы, взятые из дому, были нами съедены и выпиты по дороге. Теперь вся надежда была на ресторан, но нашим чаяниям сбыться не удалось. Двери оказались наглухо закрыты, и все попытки прорваться внутрь оказались тщетными. Хотя нам представлялось, что перед звуками, издаваемыми нашими голодными животами, должны были отвориться любые двери, как перед чудодейственным «сим-сим». Но, увы, это не случилось. Так бы и лишилась страна двух успешных инженеров, временно ушедших в мир иной от голодной смерти, если бы не подала голос дежурная, терпеливо наблюдавшая за нашими попытками из-за стойки ресепшен (тогда, разумеется, таких красивых слов не было и в помине). Сонным голосом она произнесла: «Попробуйте постучаться в двери кухни». Это был бесценный совет. Не скажу, что там нас встретили с распростёртыми объятиями, но за весьма скромное вознаграждение полуголый повар торопливо вручил нам изрядный пакет, завёрнутый в пожелтевший номер газеты «Сельская новь».

Счастливые мы вернулись в номер и первым делом, подгоняемые чувством разыгравшегося голода и любопытства, развернули пакет. В нём лежал вполне свежий батон, нарезанный крупными ломтями, и четыре измождённых шницеля неопределённого возраста. Проявив в борьбе с голодом недюжинную волю, я предложил Лёне организовать чаёк, пока я буду звонить домой. Он с воодушевлением занялся общественно полезным трудом, а я снял трубку. К моему удивлению вместо сигнала меня ждала мёртвая тишина. Я стал искать причину (всё-таки инженер). Не прошло и несколько минут, как я обнаружил у изголовья кровати два оборванных тонких провода. Это меня очень удивило. Кому такое могло прийти в голову? Зачем приехавшему в чужой город лишать себя связи с внешним миром? Не найдя убедительного ответа, я уверенными движениями скрутил оба провода. Быстро устранив неполадку (всё-таки инженер), я позвонил на

телефонную станцию и заказал срочный разговор с Киевом. К этому времени Лёня с помощью дорожного кипятивника (вопреки строгим гостиничным противопожарным правилам) закипятил воду прямо в стаканах, приготовил чай и мы, наконец-то, сели ужинать.

Едва успели проглотить по кусочку импровизированного бутерброда, как зазвонил телефон. Я схватил трубку в надежде услышать голос моей дорогой жены, но меня ждало разочарование. Раздался томный незнакомый женский голос.

– Добрый вечер, мы с подругой увидели вас возле дежурной, и вы нам очень понравились. Вот мы и решили предложить провести совместно оставшуюся часть вечера. Как вы на это смотрите?

К нехитрому комплименту я мысленно отнёсся вполне благосклонно, но ответил решительным отказом.

– Спасибо. Мы только с дороги, очень устали и ложимся спать. – Сказал я и, повесив трубку, поведал Лёне суть полученного предложения.

По его реакции мне показалось, что на моём месте он не был бы так категоричен. Лёня решил объяснить мне (с чего бы это?), что, если использовать современную терминологию, это девушки с низкой социальной ответственностью. Они увидели двух прилично одетых молодых людей, заселяющихся в номер «Люкс» и решили, что их час настал. Надо брать! В конце концов, это же их работа... Я не стал вступать в пререкание, посчитав, что дискуссия на эту тему в данный момент не актуальна.

Мы вновь приступили к ужину, когда опять раздался телефонный звонок. На сей раз это была моя жена. Я доложил о благополучном прибытии, выслушал в ответ короткую сводку о наших домашних делах и, пожелав друг другу спокойной ночи, повесил трубку, в надежде уделить должное внимание заждавшемуся шницелю и остывающему чаю. Но не тут-то было. Телефон успокаиваться не желал. Чертыхаясь, я снял трубку и услышал: «Здравствуйте! Меня зовут Ниночка. Я делаю волшебный массаж, после которого мужчина обретает крылья. Я могу

прямо сейчас подняться к вам в номер». С трудом сдерживая первые признаки острого женоненавистничества, я процедил сквозь зубы: «Не нужен мне массаж, тем более волшебный. И крылья мне не нужны, только спать будут мешать», ворчливо пробубнил я.

Недожжёванный шницель застрял на полпути, с интересом ожидая развязки происходящего. Да и чай совсем остыл. Мы быстро свернули остатки нашей трапезы и стали готовиться ко сну. Лёня, нужно признаться, воспринимал этот вечерний звон куда как спокойнее меня (вы помните – холостяк). Поэтому, когда раздался очередной звонок, трубку взял уже он. Спустя минуту я услышал его раздражённый голос: «Вы прекратите когда-нибудь эти ваши безобразия? Нас не интересуют никакие ваши услуги! И вообще, мы не по этой части», - сказал он, нервно кладя трубку. Я не совсем понял, что он имел ввиду. Хотя скажу честно, его последняя фраза меня несколько насторожила. Как-никак, мы всё-таки должны были провести ночь в одной комнате. Однако это я так, сгоряча...

Мы уселись на кроватях друг против друга и стали ждать. Вы бы посмотрели на выражение наших лиц. Так обычно выглядят дрессированные собаки, которым уже дали команду «фас», но враг ещё не появился. В ожидании неприятностей мы просидели ещё минут двадцать и, только окончательно успокоившись, легли спать.

Когда телефон зазвонил в очередной раз, я в ярости вскочил с кровати и судорожным движением оборвал телефонный провод.

Ноябрь, 2020 год

***Быть,
а не казаться***

Память согревает человека изнутри,
и в то же время рвет его на части.

Харуки Мураками

Жили – были старик со старухой. Жили долго. **Ж**или, можно сказать, не тужили. Многие даже завидовали. Последние четверть века их жизнь относительно беспроблемно протекала вместе с Рейном в Кёльнской бухте. Здесь они оказались по удивительному стечению геополитических обстоятельств, благодаря которым благополучно покинули берега Днепра и обожаемый Киев, поселившись, в конце концов, в Кёльне.

Вся их жизнь естественным образом разделилась на три неравные части. Первые 20 лет были поглощены младенчеством, детством без детства (страшная Война), очень средней школой и неконтролируемой юностью. Детский садик оставил в памяти Старика (эту кличку он заработал ещё молодым, но не благодаря избыточной мудрости, а просто так было модно – взрослому) два малоприятных воспоминания. Во-первых, обязательный, дневной сон, почти всегда нежеланный, а во-вторых, стрижка под ноль, осуществляемая в борьбе с возможной завшивленностью. Всё, что было связано со словом школа, в моём сознании окрашивалось в тошнотворный серый цвет. Эти годы запомнились нищенским бытом и жалкой духовной составляющей. Порой в голову приходили даже грешные мысли, вплоть до желания проверить на прочность пенковую петлю. Однако на выручку вовремя приходили телесный возраст, семья, книги и музыка.

Следующие 35 лет прошли под знаком получения образования и создания семьи на фоне интенсивной трудовой деятельности. Эти годы несли весь спектр присущих человеку чувств и эмоций. Было всё... Дружба и любовь, радость и горе, смех и слёзы, гнев и ликование, решительность и трусость, щедрость и прижимистость. Но жизнь продолжалась, решительно сглаживая все острые углы и зазубрины.

Теперь супруги благополучно осваивают свой третий

(осмелюсь предположить и последний), но уже зарубежный, период. Здесь, в чужой стороне, они впервые на себе по-настоящему ощутили, что такое социальное государство, которое, не на словах, а на деле, обеспечивает им уже на протяжении четверти века вполне достойное существование. Так и живут на чужбине Старик со Старухой (нет, так Старик никогда не называл свою жену и впредь не будет), проживая в своё удовольствие вполне обеспеченную старость. Думается этой преамбулы достаточно, чтобы дальше уже плавно потекло повествование, главным персонажем которого как раз и будет Старик.

День для него начался с запланированной прогулки. Последние годы он заимел привычку просыпаться среди ночи по вполне естественным причинам. Проснувшись, он перед тем, как зажечь свет, всегда старался, как можно точнее угадать время, и ему это часто удавалось. В минуты этого вынужденного пробуждения он обычно мысленно выбирал меню для завтрака и прикидывал распорядок на предстоящий день. Этот день должен был начинаться с утренней прогулки.

Старик вышел из дома, придерживая по привычке ногой подпружиненную входную дверь. Он остановился, в недоумении оглядываясь по сторонам. Сквозь окна квартиры погода ему виделась не столь мрачной. Низко над головой висели свинцовые тучи, а пронизывающий ветер угрожающе насвистывал свою осеннюю песню. Правда, он довольно быстро сообразил, что вышел из дому в тёмных очках, а это, конечно же, сгущало краски и без того серого кельнского утра. Да и зрение у Старика с каждым годом не становилось лучше. Мешали не столько вроде бы тщательно подобранные очки, сколько, главным образом,

свои собственные глаза.

Однако не отменять же из-за этого привычный утренний моцион. Поэтому Старик уверенным движением подтянул до самого горла молнию на своём стального цвета пуховике и отправился на прогулку по давно освоенному маршруту. Перейдя дорогу, он стал неторопливо спускаться по Флейбахштрассе, прошёл рыночную площадь и вышел на главную улицу района – Ольпенерштрассе.

Здесь располагались все жизненноважные точки их околотка. Магазины, банки, булочные и аптеки. Старик не любил гулять бесцельно. Он всякий раз, чтобы покинуть квартиру, высасывал из пальца какой-нибудь подходящий повод. В такой борьбе с самим собой ему уже нельзя было отвертеться от прогулки, пусть даже короткой. Вот и сейчас, чтобы как-то оправдать свой выход из дома, Старик решил посетить банк, где без труда в любое время суток можно было поддержать семейный бюджет из безотказного автомата.

Пополнив кошелёк, он пересёк снова рыночную пло-

щадь и вышел на парковую аллею, пронизывающую восхитительный пленэр, исполненный рукой великого живописца – природы. Здесь через каждые 100 – 200 метров заботливыми руками были установлены удобные скамейки,

изготовленные на спонсорские средства жителей района, о чём свидетельствовали прикреплённые к их спинкам таблички.

Старик продолжил путь, наслаждаясь ароматами свежескошенной зелени. В старом парке за спортивным комплексом у небольшого заросшего пруда стоит заветная скамейка – любимое место отдыха. Сегодня ему повезло – скамейка была свободна.

Предупреждая возможные посягательства от других празднующихся, он по-хозяйски расположился посередине скамейки, наслаждаясь прямо-таки леви-тановским пейзажем и упоительной музыкой безмолвия. Здесь, «растекаясь мыслью по дереву», он уносился в бескрайние просторы воспоминаний. Мысли, как назойливые мухи, бесцельно кружили по свободным долям его увяда-

ющего мозга, временами порождая совершенно неожиданные ассоциации...

... Старик обнаруживает себя молодым в Киеве, сидящим на скамейке детской площадки Золотоворотского садика, территория которого в это время года как всегда укрыта кронами знаменитых киевских каштанов. Их спелые плоды, будто покрытые шоколадной глазурью, уже готовы вырваться из плена колючих изумрудных оболочек, чтобы обрушиться на головы посетителей сада. На детской площадке его трёхлетняя дочка озабоченно занимается песочной кулинарией. Над детским манежем мрачной громадой возвышаются тысячелетние руины Золотых ворот, служащих ещё при Ярославе Мудром главным въездом в город. Малышка с гордостью показывает папе свежеслепленную пасочку и настаивает на немедленной дегустации. Папа старательно исполняет предложенную роль, достоверно причмокивает и рассыпается в похвалах.... Песочный кекс съеден, картинка постепенно утрачивает резкость и исчезает вовсе.

Старик вздрагивает от внезапного прикосновения к руке чего-то влажного и шершавого. Ему в глаза заискивающе заглядывает великолепный золотистый ретривер, игриво помахивающий своим шикарным хвостом, напоминающим бахрому театрального занавеса. Не спросив разрешения у владельца собаки, Старик отваживается погладить крутолобую голову пса. Пёс терпеливо сносит чужую ласку, но, утратив всякую надежду заполучить что-либо съедобное, собака торопливо обнюхивает стариковские колени и, сверкнув золотой молнией, в мгновение ока исчезает.

Старик остаётся вновь наедине со своими сумбурными воспоминаниями и ускользающими мыслями. Он давно пришёл к выводу, что каждый человек, способный думать, рано или поздно (чаще, к сожалению, поздно) испытывает необходимость ответить самому себе, честно и искренне, зачем ты пришёл в эту жизнь, что полезного тебе удалось сделать, и какой след останется после твоего ухода.

Старик убеждён, что человек приходит в жизнь с определённой запрограммированной свыше миссией. А потому так важно каждому понять, в чём же состоит твоя миссия. Но как раз именно на эти вопросы ему так до сих пор и не удалось найти правильный ответ.

Старику легко давалась учёба, но среди изучаемых предметов не оказалось главного или любимого. Поэтому высокие оценки ни в его аттестате зрелости, ни позднее в

приложении к диплому о высшем образовании не занимали лидирующего положения. Свою трудовую деятельность он начал рабочим на заводе, а по окончании института стал карабкаться по производственной лестнице, но и здесь никаких особых инженерных высот достичь ему так и не удалось. Впрочем, его карьерное продвижение по советским меркам можно было считать вполне успешным. От рядового техника до главного инженера предприятия Старик добрался достаточно быстро. Различные жизненные обстоятельства давали ему возможность проявить себя на разнообразных поприщах, но и тут, в общем-то, особенно похвастаться было нечем. Так что сложившуюся судьбу Старика можно с уверенностью отнести к среднестатистической категории.

Испокон веков считалось, что мужчина должен построить дом, посадить дерево и вырастить сына. Хотя, кем это считалось, кто это определял? Науке это доподлинно не было известно. Но с народной мудростью не поспоришь. А если это непременно так, то Старик вынужден с горечью признаться себе, что жизнь прожил впустую.

Немалую часть своей жизни он провёл в муниципальном (пардон – исполкомовском) жилье. Убогие коммунальные квартиры с дырявыми полами, ржавыми ваннами и неискоренимыми хозяевами жилищ прошлого – тараканами и клопами. Лишь благодаря всеобщей приватизации, разразившейся в СССР в конце прошлого века, Старик, выкупив квартиру, смог ощутить себя настоящим собственником, что в конечном итоге очень пригодилось при переезде в Германию. Не взирая на общие финансовые трудности предотъездного периода (1993 год), квартиру всё же удалось продать, а вырученные деньги очень быстро были потрачены при обустройстве на новом месте.

Построить дом Старик не сумел. Собственно, он и не пытался. В те годы позволить себе строительство дома могли лишь представители властной элиты и цеховики. Только уже перевалив через жизненный экватор, Старик с женой тщательно по сусекам поскребли и приобрели себе на радость в далёкой деревне вековую глинобитную хату под

соломенной крышей. Дни, проведенные там, возня в хате и вокруг неё доставляли непередаваемое удовольствие.

Сына Старику тоже не удалось вырастить. Ну, не было у него сына. Да и думать об этом уже много лет ему было нелегко. Эта для них и по сей день самая болезненная тема. Когда же внезапно нахлынувшие ассоциации подталкивали к мыслям о горьком прошлом, Старику лишь невероятным усилием воли иногда удавалось переключиться на воспоминания, не связанные с тем горьким временем.

Что же касается посадки дерева, то и тут не задалось. Разве что пойдёт в зачёт его спонсорское участие в посадке деревьев в Израиле, о чём у него хранится присланный сертификат. Даже участвуя в знаменитых по прошлой жизни субботниках, во время которых не только пили водку и перетаскивали с места на место ленинские брёвна, но иногда и сажали деревья, Старику доставалась какая-то другая работа, более соответствующая его интеллектуальному уровню. Чаще всего это была уборка территории. В орудовании метлой ему не было равных.

Вот так и случилось, что Старик не смог выполнить все три необходимые и достаточные условия, позволяющие с уверенностью причислить себя к мужскому полу. Но, припомнив знаменитую фразу Остапа Бендера: «Кто скажет, что это девочка, пусть первым бросит в меня камень», он слегка успокоился.

Старик продолжает любоваться красками осени, ощущая, однако, при этом лёгкий дискомфорт. Оказалось – ему попросту удалось отсидеть себе задницу. С годами мышцы потеряли упругость, а вес тела существенно увеличился. И вот вам результат – седалище скамейки взяло верх над седалищем Старика. С тяжёлым вздохом и хрустом в артритных коленях он покидает скамейку, чтобы немного размять то, что было так безжалостно смято. Старик направляется к поляне, расположенной примерно в ста метрах от скамейки. Там расположено специально оборудованное место для гриля. В центре находится сам гриль – незамысловатое сооружение, состоящее из

кирпичного фундамента и сварной решётки, вокруг которого располагаются деревянные лавки. Много раз, прогуливаясь с женой мимо этого места, они решали, дескать, хорошо было бы как-нибудь выбраться сюда на шашлычки. Но, как всегда, србатывало злополучное когда-нибудь.... Это желание и по сей день остаётся не осуществлённым. Старик ненадолго зависает над остывшим пепелищем и бредёт задумчиво обратно.

Как-то он обратил внимание на то, что во время прогулки, даже медленным шагом, ему никогда не удаётся сконцентрироваться на какой-либо определённой мысли. То ли приходилось постоянно отвлекаться на неровности дороги, чтобы не упасть (примета возраста), то ли скорость движения его мыслительного процесса, до обидного, категорически не совпадает по фазе с темпом его походки.

До обеденного времени, хотя оно строго не регламентируется, остаётся около часа. Старик снова возвращается к своей скамейке, которая, как и прежде, его ждёт. Он осторожно усаживается, вынимает из сумки бутылочку с водой и жадно с придыханием пьёт. Последнее время он не выходит из дому без воды. Все, кому не лень, «с учёным видом знатока» утверждают, что человек должен за день выпивать не менее 2 литров воды. Но Старик не считает, что он кому-то в этом задолжал, а потому пьёт лишь, когда хочется, чаще всего не дотягивая до этой нормы. Затем из той же сумки он извлекает электронную книжку «киндл» и принимается за чтение. Но читать долго не удаётся. Неожиданно чёрной молнией наплывает воспоминание, предательски пронзая его душу. Ему никак не удаётся избавиться от страшной картины.

Перед глазами Старика (тогда ещё молодого) возникает усталый грязным снегом больничный двор. Этой ночью после многих лет ужасных страданий ушла из жизни их горячо любимая шестнадцатилетняя дочка. Всё потеряло смысл. Как теперь жить им с разорванными сердцами.

Из хирургического корпуса две санитарки выкатили медицинскую тележку, на которой под белой простыней лежит их истерзанная девочка. Старик видит себя, обе-

зумевшего от горя, крадущегося за этой скорбной процессией. Санитарки тоже его видят, и в их глазах мерцает страх. Они не знают, чего можно ждать от этого мятущегося человека. Слёзы застилают глаза Старика.... Слёзы застилают глаза.... Вот и сейчас слёзы застилают глаза.... Старик с трудом поднимается, и, преодолевая тяжесть навалившихся воспоминаний, помотав головой, как загнанная лошадь, отправляется домой.

Старик ещё издали видит опущенные жалюзи на балконной двери. Это означает, что жены нет дома. Что ж, придётся обедать в одиночестве, хотя он этого и не любит. Тщательно вымыв руки (пандемия коронавируса в самом разгаре), он включает конфорку, на которой уже стоит сковородка с двумя фаршированными перцами, заботливо отложенными для него. Это блюдо входит в шорт-лист его любимых блюд. Пообедав, Старик устраивается в своём просиженном кресле. Этому креслу уже, как говорится, лет-лет и памяти нет. Его сиденье давно потеряло не только упругость, но и форму (пришлось компенсировать двумя диванными подушками), а подлокотники протёрлись до дыр (на выручку пришло специальное покрывало). Несмотря на это, Старик ни за что не хочет с ним расставаться. Те четверть часа, которые он может передрепать, сидя в кресле, кажутся ему особенно сладкими.

Первые годы после переезда Старик, обретя много свободного времени, часто позволял себе днём после обеда «коротенько минут на 40» вздремнуть. Это было как раз то, что называлось «мёртвым часом», чему он в детском саду по мере своих сил отчаянно сопротивлялся.

Однако постепенно, с достижением седых возрастных вершин, Старик всё острее стал ощущать дефицит отпущенного ему времени. Так много ещё оставалось вокруг такого, что хотелось бы увидеть, услышать или прочесть. Ему просто было жаль тратить на дневной сон пусть даже такое пустяковое время. И он принял мужественное решение – днём не спать. Для этого Старик после обеда выпивает чашечку эспрессо и садится за компьютер, чтобы утолить свою неиссякаемую любознательность и

информационный голод. Уже через 15 – 20 минут из объятий кресла доносится его мерное посапывание. Однако вскоре он просыпается, готовый к решительным действиям и даже подвигам, на фоне которых даже Геракл мог бы устыдиться своих незначительных проделок.

Старик сидит с закрытыми глазами, но сон не приходит. Зато перед его глазами стремительно прокручивается лента городских пейзажей, как в современных сериалах. Скорость пронсящих кадров постепенно снижается, лента останавливается, и картина становится вполне узнаваемой.

Боже мой, как это было давно. Прошло почти 60 лет. Старик видит красивый двухэтажный особняк конца XIX начала XX века, построенный в стиле венецианского ренессанса. Память удивительным образом сохранила внешний вид здания и внутренние интерьеры, украшенные роскошной лепниной с элементами скульптуры, витражными окнами с букетами ирисов, резными дубовыми панелями и затейливой бронзовой арматурой на окнах и дверях. Стены дома выкрашены в красно-коричневый цвет, что и дало название зданию – «Шоколадный домик». В те годы здесь, в самом фешенебельном районе Киева (Липки) располагался городской Дворец бракосочетания. По слухам это здание использовалось партийно-хозяйственной городской элитой для проведения своих семейных торжеств.

Старик мысленно завершает этот небольшой исторический экскурс и переносится в вестибюль, где в томительном ожидании толпится народ. Это родственники и друзья «брачующихся». Какое мерзкое слово. Старик точно знает, что его нет ни в одном словаре русского языка. Только в воспалённом мозгу советского чиновника оно могло родиться. И всё-таки это слово не может испортить праздник, поскольку точно отвечает сути, ведь речь идёт просто о женихе и невесте.

Невеста – ослепительно хороша! На ней красивое (по тем временам) нежно-голубого цвета платье. Долговязый тощий жених, главной отличительной чертой которого

является большой еврейский нос и волнистая огненно-рыжая шевелюра, нервно топчется возле невесты и не сводит с неё влюблённых глаз. Старик, как можно предположить, узнаёт в нём себя. В голове у него робко проносится: «Были когда-то и мы рысаками». Внезапно раздаются звуки «Свадебного марша» Мендельсона, и всех приглашают пройти в церемониальный зал, называемый Белым залом, выполненный в стиле французского барокко. Как же давно это было! И всё же Старик помнит каждого, кто был с ними в этот день. Да, он помнит всех, и вдруг с горечью осознаёт, что уже почти никого в живых не осталось.

Однако бывшие «брачующиеся» не только живы, но по-прежнему вместе. Годы почти не затронули цепкую память Старика. Всё начиналось на заводе. Он увидел её пробегающей по проходу механического цеха, где сам работал контролёром ОТК, и как-то сразу почувствовал – это она. Нельзя сказать, что до этой встречи он искал себе в жёны особу, обладающую какими-то конкретными выдающимися чертами. Если – честно, то Старик вообще об этом не думал. У него было много знакомых девчонок, с которыми он с удовольствием проводил свободное от работы и учёбы время. Но тут было что-то совсем другое.

Старика сразу пленили её естественность и красота. Их отношения стали быстро развиваться, но дорога к Дворцу бракосочетания затянулась почти на два года. За это время Старик смог разглядеть в ней чистую душу и неиссякаемую любознательность, которая сохраняется и по сей день. Искорки любви радостно волновали их молодые сердца. Правда Старик всегда ощущал, что настоящая страсть всё-таки не затронула её сердца. Возможно, для неё он просто был не худшим вариантом. Не в смысле каких-то примитивных расчётов, нет, а в силу сложившихся обстоятельств. Временами ему казалось, что она, скорее всего, просто позволяет себя любить. Но Старика, пожалуй, и этого хватало. Разумеется, на протяжении столь долгой совместной жизни у них были разные периоды. Были и совсем тяжкие времена, воспоминания о которых Старик всячески пытается отгонять.

Последние годы их отношения приобрели почти идеальный характер. Жизнь стабилизировалась, страсти естественным образом улеглись, и теперь у них наступил период спокойной любви, взаимного уважения и нежной дружбы. При этом в первые годы совместной жизни были и некоторые странности в их взаимоотношениях. Так, к примеру, они были весьма сдержаны в проявлениях ласки, особенно на людях. Комплиментарность по отношению друг к другу тоже не была в ходу. И если Старик подсознательно ограничивал свои ласки и хвалебные речи, опасаясь перехвалить, чтобы не зазнавалась, то у жены, по всей видимости, не было в этом особой потребности. При этом среди знакомых и близких им людей они считались почти идеальной парой, что на самом деле в каком-то смысле было довольно близко к истине.

Все главные житейские проблемы на протяжении их совместной жизни разрешались в результате тщательного взаимного обсуждения. В то же время большинство бытовых неувязок легко устранялось по инициативе супруги. Это касалось и внешнего облика Старика, хотя окончательное решение по этим вопросам оставалось за ним. Надо сказать, что Старик всегда было важно при всех жизненных обстоятельствах выглядеть комильфо.

... Уютное кресло и послеобеденная дрема берут верх, и Старик засыпает. Для стороннего наблюдателя поза сидящего в кресле Старика может показаться странной. Он сидит с трагическим выражением на лице, весь какой-то перекошенный, облокотившись головой о боковую стенку серванта. Видно ему снится что-то горькое или недостижимое. Но, проснувшись, он, как ни старается, никогда не может вспомнить, что ему снилось. При этом довольно часто его не покидает ощущение, что он теряет какую-то очень важную жизненную подсказку. Вот и сейчас Старик силится припомнить хоть что-нибудь из промелькнувших сновидений. Но, увы. Впрочем, возможно это как раз связано с его ускользающими снами, потому что память разворачивает воспоминания в направлении давно минувших лет, когда ещё были живы его дорогие родители.

Старик видит папу, сидящего в углу комнаты у балкона за маленьким письменным столом. Перед ним старенькая пишущая машинка «Эрика», а слева от неё лежат в образцовом порядке самые нужные в данный момент бумаги. Папа работает. Он терпеливо сносит бытовые шумы и наш галдёж. Он умеет отгородиться от всего, что мешает ему работать. На лице блуждает его неповторимая улыбка. Наверняка он, наконец, нашёл, так долго ускользающую нужную ему рифму. При виде этой картины у Старика увлажняются глаза. В комнату входит мама, снимая на ходу вылинявший фартук, и тяжело садится за обеденный стол со словами: «Дети, вы хотите иметь маму? Тогда дайте ей немного посидеть. Бульон на плите, жаркое под подушкой, компот в холодильнике». Она берёт свои изрядно потрёпанные игральные карты, и начинается священнодействие. Для мамы самый лучший отдых – за пасьянсом. Много позже, когда Старик привёл в родительский дом жену, они очень подружилась, полностью развенчав тем самым миф о непримиримых отношениях свекрови и невестки. Тепло и щемящая нежность разливаются по телу Старика.

Старик открывает свой ноутбук, просматривает непрочитанную почту и свежие сообщения по WhatsApp, а затем переходит к актуальным новостям, основное место в которых отведено устрашающим цифрам по коронавирусу. Сегодня 13 декабря. На онлайн-встрече с руководителями Земель выступила канцлер ФРГ Ангела Меркель и, постукивая старческими кулачками по трибуне, потребовала установить с 16 декабря по 10 января 2021 года во всех регионах страны строгий локдаун. Это сообщение не может улучшить настроение Старика. И без того супруги почти на полгода были лишены таких привычных радостей, как филармония, опера и бассейн. Не говоря уже о том, что радость общения с приятелями и просто знакомыми была сведена почти к нулю. Примирится с этим труднее всего, но приходится. Жизнь Старика видится ему лоскутом шагреновой кожи, который сокращается под коварным воздействием пандемии прямо

на глазах. Он прекрасно понимает, что и без того осталось не так много. А тут ещё так неотвратимо навалился этот нано-зверь – коронавирус.

Неожиданно на память Старикуну приходят его первые шаги (всё правильно – раз шаги, то приходят) на инженерном поприще. Он тогда работал на одном из киевских приборостроительных заводов. Несмотря на то, что он ещё не успел получить инженерный диплом, его всё же взяли на работу в конструкторское бюро по оснастке при отделе главного технолога. Старик часто с приятностью и даже с нежностью (пусть это не покажется кому-то странным) вспоминает этот период жизни. Его, только-только начинающего конструктора, встретили интеллигентные доброжелательные люди, при необходимости готовые прийти на помощь, что в работе, что в быту. Молодому специалисту выделили рабочее место, оснащённое великолепным импортным кульманом фирмы «Reiss Robotron». Тогда заводские конструктора обеспечивались даже настоящим хрустящим ватманом (до 200 г/м²), готовальной и карандашами «Конструктор». Но Старик не мог себе позволить создавать свои конструкторские шедевры простыми советскими карандашами, грифели которых непрерывно ломались, и к тому же пачкали руки. По большому благу ему удалось раздобыть коробку карандашей «Кохинор», которыми он настолько бережно пользовался, что их хватило на всю его конструкторскую практику.

Старик с удовольствием вспоминает праздничные новогодние и мартовские застолья, к которым выпускалась юмористическая газета «Ластик», и готовились весёлые самодеятельные номера. Ко дню рождения сотрудников писались поздравительные стишата, насыщенные язвительно-доброжелательным юмором. В этом Старикуну не было равных. А в свободное от поэтического творчества время он проектировал несложные приспособления для обработки деталей на металлорежущем оборудовании. Хотелось бы надеяться, что этот опус не попадёт в руки современным инженерам, которые для разработки оснастки с лёгкостью используют одну из актуальных программ

САПР высокого уровня. Зачем же им такие конструкторские атрибуты прошлого, как кульмана, ватман и готвальни, карандаши, точилки и ластик, когда нужный результат можно получить, не отходя от компьютера и принтера. Так бы и продолжал Старик работать в этом замечательном коллективе, ощущая себя вполне успешным конструктором, если бы не случайно услышанная им фраза, произнесенная о нём начальником отдела: «Ну, зачем он пошёл в инженеры! Он же типичный гуманитарий». И Старик, припомнив знаменитую фразу Остапа Бендера: «Не надо оваций! Графа Монте-Кристо из меня не получилось. Придётся переквалифицироваться в управдомы», решает переквалифицироваться в технологи.

Неспешное течение воспоминаний прерывает телефонный звонок. Звонит жена и слабым голосом, в котором всё-таки слышны победные нотки, сообщает, что силы на исходе, но всё же она надеется в скором времени появиться дома. И после паузы она вкрадчиво добавляет: «Очень кушать хочется».

Воодушевлённый обещанным возвращением жены, разомлевший от приятного свидания с прошлым, старик покорно плетётся на кухню. Он решает приготовить «маципури». Это придуманное им название на итальянский манер для, в общем-то, простого блюда. Две истолчённые стандартные пластины мацы заливаются горячим молоком. Когда маца набухнет и остынет до комнатной температуры, в неё вбиваются три яйца и добавляются соль, перец и укроп по вкусу. Затем всё тщательно перемешивается и эта уже почти однородная масса выкладывается на смазанную сливочным маслом разогретую сковородку. Спустя 5 – 7 минут Старик переворачивает деревянной лопаткой поджарившийся диск, а ещё через 5 минут маципури можно считать готовым. Скажем прямо – никто ещё не жаловался.

Более того, за последние годы Старик неоднократно продемонстрировал своё мастерство в кулинарном деле. Так с помощью, разумеется, интернетовских рекомендаций он сотворил такие шедевры, как фаршированная рыба, гусь

в духовке и кое-что ещё, о чём, впрочем, можно и не говорить. Эти достижения были по достоинству оценены в узком кругу приближённых гурманов.

Вечерет. Окна гостиной затягивает осенними сумерками. Старик с трудом покидает кресло и неспеша направляется к окнам, чтобы опустить жалюзи. Известно, что в Германии «лишь только вечер затеплится синий» закрываются все окна, опускаются жалюзи и захлопываются ставни. По-видимому, немцам до сих пор не удаётся избавиться от синдрома, возникшего после бомбардировок Кёльна в мае 1942 года Королевскими военно-воздушными силами Великобритании.

Ну, да ладно, отгремев жалюзями, Старик подумал: вот теперь воистину наш дом – наша крепость. Мертвенным цветом светятся оба компьютера, гремит телевизор, запугивая всех и вся устрашающей информацией о стремительном распространении по всему миру второй волны коронавируса. Редкие телефонные звонки лишь дополняют картину виртуальной жизни.

Уходит день, уходят годы, уходит жизнь. Но у Старика ещё достаточно оптимизма, чтобы петь осанну Галилео Галилею за его бессмертный возглас: «А всё-таки она вертится!».

Декабрь, 2020 года

ДЖК

В январе 2011 года я получил по электронной почте короткое письмо из Бостона от незнакомого мне человека по имени Игорь Шейн (Igor Schein). Именно тогда в Интернете появилась моя первая книга «365», и в сети замелькала фамилия Золотаревский. Фамилия оказалась не безразличной Игорю Шейну, этому удивительно-му человеку, посвятившему свою жизнь с младых ногтей, как выяснилось позднее, серьезным исследованиям генеалогического древа своей семьи. В результате по некоторым одному ему ведомым признакам он предположил в нас с ним некое генетическое родство. Это и послужило поводом к написанию его первого ко мне письма. К сожалению, по каким-то загадочным обстоятельствам именно эта весточка не сохранилась, хотя она положила в дальнейшем начало нашей многолетней переписке, которую я приведу здесь без малейших купюр и корректировок.

2011/2/9 Zolotarevskij

Здравствуйтесь, Игорь!

К сожалению, добавить что-либо ещё, кроме того, что вам уже известно о нашем крыле Золотаревских, я не могу. Вы занимаетесь очень достойным делом. Теперь я сожалею, что не приставал с этими важными вопросами к моим родителям. Но, увы! Моего папы, Золотаревского Исаака Яковлевича, уже 37 лет нет на белом свете. Воистину: «Что имеем – не храним, потерявши – плачем». Желаю удачи во всех Ваших начинаниях. Валерий Золотаревский.

2011/2/10 Igor Schein

Уважаемый Валерий Исаакович

Очень приятно с Вами познакомиться. Прежде всего, я хочу сказать, что ситуация далеко не безвыходна. За последние 3 года я нашел очень много давно потерянных родственников, причем о некоторых я раньше и не слышал. Я работаю с архивами, и новая документальная информация часто появляется, когда ее не ждешь. Главное записать устные сведения вовремя.

Хотел Вам задать несколько вопросов. Во-первых, вот что я увидел на Интернетe: 4 апреля 1906 г. день рождения поэта-сатирика И. Я. Золотаревского, уроженца города Черкассы. Инициалы и город совпадают. Это случайно не Ваш папа? Были ли у Вашего папы братья и сестры? Встречались ли Вам другие Золотаревские, с которыми Вы не могли найти общего родства? Расскажу историю. В Москве много лет жили и дружили Александр Золотаревский (мой четвероюродный брат, как я недавно выяснил, хотя он меня старше на 50 лет) и Борис Золотаревский. Они считали себя однофамильцами. Однако когда я начал копать глубже, выяснилось что корни обоих из Днепропетровска, и у обоих был дедушка Иосиф Золотаревский. Хотя, похоже, что в Днепропетровске 19-го века было 2 Иосифа Золотаревские, но я не сомневаюсь что они между собой родственники, так как есть много других совпадений. Так что я жду документы из Днепропетровского архива, чтобы выяснить точную степень родства. С Черкасскими архивными документами я работал раньше, так как там жила семья тети моей бабушки. Мне повезло, что я начал интересоваться генеалогией в раннем детстве и мог записать много ценных сведений пока представители старшего поколения были живы. С уважением, Игорь.

Еще один вопрос, если можно. Не был ли случайно Ваш дедушка Яков Моисеевич Золотаревский владельцем фотоателье в Черкассах?

2011/2/10 Zolotarevskij

Да, конечно, это был мой дедушка! Неужели вам что-то удалось разузнать?! С нетерпением буду ждать ответа.

2011/2/10 Igor Schein

Я нашел это на следующей странице
<http://www.rusalbom.ru/foto-atelie.html>

Там упоминается фамилия Львув, так что я сразу понял, что это Ваши.

А у Вашего дяди были дети? Может быть, они знают больше? Интересно бы узнать, были ли у Вашего дедушки братья или сестры.

2011/2/11 Zolotarevskij

У моего дяди есть две дочери, и я с ними уже разговаривал. Глубина их информации ещё мельче, чем моя. Я думаю, что у моего дедушки были то ли братья, то ли сестры (тогда семьи были многодетными), но мне об этом ничего неизвестно.

2011/2/11 Igor Schein

Сохранилась обширная коллекция Черкасских метрических записей за 19-й век. Известен ли Вам год рождения Вашего дедушки? Могу предположить, что он родился в 1880-х. Я в свое время искал фамилию Покрас в тех записях, но отложил, потому что это требовало много времени. Когда у меня получится снова этим заняться, я буду внимательно следить за фамилией Золотаревский (что я бы делал в любом случае, так как тетя бабушки Фейга Золотаревская возможно выходила замуж в Черкассах). Может быть, удастся найти записи о братьях Вашего дедушки (что может оказаться полезным, на случай если их потомки владеют большим количеством информации), и тогда станет известным имя деда Вашего дедушки, что может помочь соединить Ваше древо с другим, над которыми я работаю.

Спасибо, Игорь.

Прошло почти 10 лет. И я, честно говоря, стал забывать о наших генеалогических переговорах. Я отчётливо представлял себе уровень сложностей, с которыми может столкнуться человек, пытающийся сконструировать полноценное генеалогическое древо хотя бы на глубину пяти поколений. Все, кого я знал до сей поры, обычно притормаживались на уровне бабушек – дедушек и в конечном итоге и вовсе забрасывали этот процесс. Каково же было моё удивление, когда по прошествии стольких лет я вновь

получаю весточку из Бостона от Игоря Шейна, этого неутомимого исследователя недр человеческого слоеного пирога.

24.04.2020 Igor Schein:

Уважаемый Валерий Исаакович,

Давно мы с Вами не общались. Очень надеюсь, что Вы прибываете в добром здравии и что у Вас и в Вашей семье все в порядке. Мне за эти годы удалось найти несметное количество информации по семье Золотаревских и ответить на множество вопросов, но некоторые остались неотвеченными. Надеюсь от Вас услышать и обсудить эту тему. С уважением, Игорь Шейн.

24.04.2020 Zolotarewskij Valerij

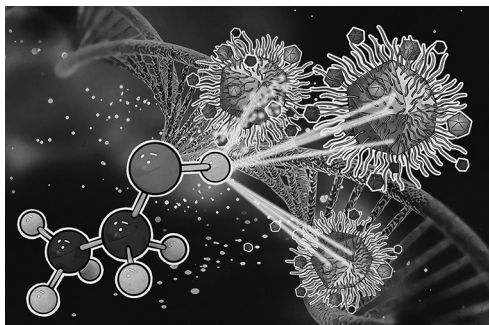
Рад был получить от Вас весточку. Спешу сообщить, что я ещё жив. Вы удивительный человек! Я поражён Вашей целеустремлённостью, настойчивостью и высотой замысла. К сожалению, думаю, что от меня будет мало проку. Имеющаяся у меня информация ограничена тем, что есть в моей книжице «Щемящая радость воспоминаний». Поэтому мне остаётся только пожелать Вам успеха во всех Ваших начинаниях!

Вновь в нашей переписке наступила значительная пауза, которую, учитывая обязательность этого человека, я мог объяснить только коронавирусным безумием, охватившим всю планету. Эпидемия COVID-19, вскоре объявленная Всемирной Организацией Здравоохранения пандемией, парализовала многие виды человеческой жизнедеятельности. Вот я и подумал – «До того ль, голубчик, было?». Но и это не стало преградой для нашего нестигаемого исследователя. Уже в июле я получил очередное сообщение.

2020/7/11 Igor Schein

Большое спасибо за Ваши теплые слова. На самом деле Вы можете весьма существенно помочь с моим исследованием. Я провожу генетическое исследование всех известных ветвей Золотаревских. Уже почти 10 мужчин

прошли генетическое тестирование. Буду очень благодарен, если Вы также согласитесь поучаствовать. Все опла-

чено фондом моего проекта, так что Вам это ничего стоить не будет. Процесс очень простой – Вам приходит на дом набор из лаборатории, Вы делаете мазок внутренней полости рта и посылаете его обратно по по-

чте в предоставленном конверте.

Извините за долгую задержку с ответом – на работе были пертурбации.

Всего доброго, Игорь

2020/7/11 Zolotarewskij Valerij

Вы меня удивляете всё больше и больше. Но, если это Вам хоть как-то поможет, я готов.

2020/7/11 Igor Schein

Надеюсь, что удивляю – в хорошем смысле!

Большое спасибо что согласились – безусловно, поможет. Напишите, пожалуйста, Ваш почтовый адрес и я закажу для Вас набор. Лаборатория кстати тоже находится в Германии.

С уважением, Игорь.

Разумеется, я немедленно отправил ему свои почтовые реквизиты.

2020/7/11 Igor Schein

Прекрасно – заказал. Кстати, я был в Кельне во время (по чистой случайности) чемпионата мира по футболу в Германии. Кафедральный собор впечатлил...

Не прошло и нескольких дней, как я вынул из своего

почтового ящика довольно пухлый конверт, из которого извлёк всё необходимое для проведения теста ДНК. Со свойственной себе аккуратностью я вымазал слизистую полости своего рта специальной палочкой с ватным наконечником, который затем старательно упаковал в пробирку, и в тот же день оправил конверт с моими бесценными генами в лабораторию. Прошло два месяца и вот результат.

2020/9/23 Igor Schein

Уважаемый Валерий Исаакович,

Результаты ДНК теста готовы. Прежде чем обсудить их, я бы хотел поделиться с Вами новонайденной информацией о Вашей семье.

Вашего дедушки полное имя было Хаим-Янкель, и родился он в 1871-м году. Его родителями были Моисей 1843 – 1907 и Шифра 1847 – 1895. Отца Моисея звали Савелий-Берл Шлемович Золотаревский, и умер он в 1860-м году. У Моисея были несколько братьев, старший из которых, Исаак, родился в

1830-м году. Дети Исаака и другого брата Кельмана в большинстве своем эмигрировали в Америку до 1-й мировой войны. Один из правнуков Исаака в свое время тоже сделал ДНК тест, и Вы с ним совпадаете.

Теперь о моей семье. Самым дальним известным мне предком был Велвл Шлемович Золотаревский. Его возраст мне не известен, но старший брат моего пра-пра-пра-прадеда родился в конце 18-го века. Так что у Вас и у меня генеалогия доходит до Шлемы Золотаревского. Однако совершенно непонятно идет ли речь об одном и том же Шлеме. Один из предполагаемых потомков моего Велвла с Вами по ДНК не совпадает, так что, казалось бы, что родства нет, но этому может существовать несколько объяснений.

Следующий шаг понятен. ДНК характеристика линии Савелия-Берла подтверждается 3-мя ДНК результатами, включая Ваши, так что сомнений здесь быть не может. Но по линии Велвела есть только один результат, так что

необходимо постараться найти ещё желающих (или вернее – невозражающих) на ДНК исследование. Сказать легче, чем сделать...

Еще раз большое спасибо за Ваше участие в ДНК проекте, и я надеюсь, что Вам было интересно услышать новую информацию о Ваших предках.

С уважением, Игорь.

Еще могу добавить что советский скульптор Исидор Золотаревский происхождением из Вашей ветви Золотаревских – он приходился Вашему дедушке троюродным братом.

2020/9/23 Zolotarewskij Valerij

Браво! Спасибо большое! Было очень интересно!

На самом деле это не просто интересно. У меня появилось любопытное ощущение – я увидел себя деревом, которое обрело мощную корневую систему. И это в моём-то возрасте. А, кроме того, я почти уверен, что это ещё не конец истории. Так что, продолжение следует.

Октябрь, 2020 год

***Что
наша жизнь —
игра!***

Я картёжник с большим стажем. Слово картёжник мне не нравится. Но, к сожалению, если не обращать внимание на его ярко выраженную эмоциональную окраску, оно соответствует истине. Трудно даже поверить, но играю я в преферанс с большим или меньшим успехом уже почти 65 лет. В моей жизни было довольно много увлечений. Это и музыка, и живопись, и книги, и футбол. Но, как вы сами понимаете, во всех этих увлечениях я был стороной пассивной. Сомневающимся напомним, что музыку сочиняют композиторы, а исполняют музыканты и вокалисты, картины пишут живописцы, книги создаются писателями и поэтами, а в футбол обычно играют, футболисты. Я всегда был жадным потребителем созданного этими творцами, что позволяло мне переполнять душу и сердце гормоном удовольствия – серотонином.

Но это всё – увлечения, а хобби всё-таки было лишь одно – преферанс. Правда, вот уже десять лет, как появилось ещё одно. От избытка свободного времени, а также для поддержания мозговой активности, я стал заниматься окололитературным трудом. В общем, как говорится, я на это подсел и крепко. Дескать, «Раззудись, плечо! Размахнись, рука!». Так вот представьте себе, все эти последние годы мне очень хотелось написать какой-нибудь текст об этой замечательной игре и её поклонниках. Казалось бы, в этих игрищах для меня уже не осталось тёмных мест, но, сколько не бился, сюжет не складывался. Однако стариковская потребность поделиться накопленным багажом не давала покоя.

И, в конце концов, решение пришло. Пусть не складывается мало-мальски занимательная сюжетная линия, пусть. «Мы пойдём другим путем». Я решил попробовать нанизать связанные с преферансом разрозненные жизненные эпизоды, как сочные кусочки шашлычного мяса на хронологический шампур. Во как завернул! Тогда поехали!

Всё начиналось в Киеве на улице Толстого в Доме Мороза, где в те годы жила моя соученица Люда Слуцкая,

будущая жена моего самого близкого друга Пузи, он же Лёва Эдельштейн. Здесь, в этой квартире у соседа Люды дяди Нёмы, я осваивал азы этой умной игры. Это была большая коммунальная квартира с множеством соседей. Несмотря на мои многолетние посещения этого обиталища, я не смог бы с уверенностью назвать не только общее количество комнат в нём, но даже число соседей. Я лишь твёрдо знал, что в первой комнате прямо против входной двери жили две сестры Люда и Ира с мамой, а в самой отдалённой комнате жил дядя Нёма, где и проходила бурная преферансная жизнь. Мы же собирались у Люды, где иногда вспыхивали и угасали непродолжительные романтические отношения, которым дядя Нёма как-то нашёл яркое и точное определение.

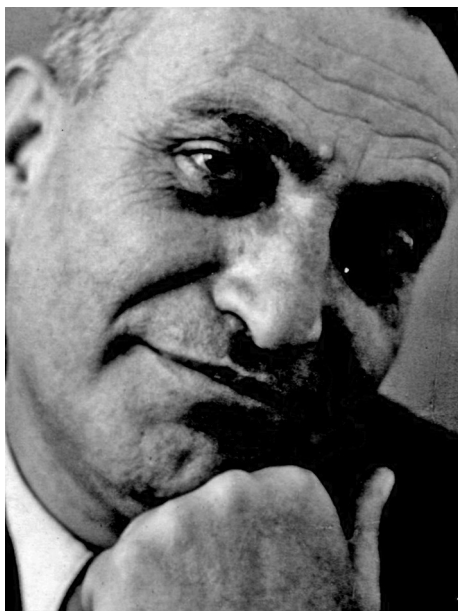
Порой в самый неподходящий момент открывалась в комнату дверь, и на пороге возникала тощая фигура старого еврея в кепке набекрень, напоминающего сложившийся у меня ещё с детства образ Паганеля. Старые хлопчатобумажные штаны обвисали на нём так, словно внутри них не было вообще ничего, а ветхие башмаки без шнурков определяли его особую шаркающую походку. Войдя в комнату, дядя Нёма поверх очков обводил всех присутствующих равнодушным взглядом и произносил свой сакраментальный вопрос-приговор: «Что, типчики, куцкаетесь?! Ну-ну!», – и тут же бесшумно исчезал. Это выражение, на мой взгляд, точно соответствовало тому, чем мы чаще всего там и занимались.

Дядя Нёма жил один. Это был человеком добрейшей души. В трудные годы он, как мог, помогал семье Люды. Кроме того, дядя Нёма слыл заядлым преферансистом, а, учитывая его одинокий образ жизни, у него два-три раза в неделю собирались партнёры-картёжники, чтобы, как сегодня говорят, оттянуться за ломберным столиком. По причине закоренелого холостяцкого существования дяди Нёмы его комната со временем приобрела соответствующий вид. А если быть более точным, то его жилище напоминало заброшенную курилку. Причём это не фигура речи, а реальное отражение действительности. По углам

стояли конторские фаянсовые пепельницы, заполненные истлевшими папиросными окурками, а пожелтевшие стены источали омерзительный запах табачного перегара. Интерьер комнаты состоял из простого деревянного стола, нескольких стульев, покосившегося шкафа и неприбранного лежбища.

Мы с другом очень хотели научиться этой волнующей наше воображение игре, и, в конце концов, упросили дядю Нёму допустить нас беззвучно присутствовать во время карточных ристалищ, стоя невидимками у игроков за спиной. Спустя пару месяцев мы уже могли делать начальные шаги в постижении преферанса. Первые мои проигрыши-выигрыши были сделаны именно там. Поначалу партнёры терпели мои промахи, поскольку я сполна расплачивался за них, в прямом и переносном смысле, но уже вскоре я смог играть там почти на равных. Моя увлечённость этой игрой навсегда переплелась с чувством благодарности к дяде Нёме.

Мои родители тоже любили играть в преферанс. Их постоянными партнёрами были подруга моей сестры Даная и их давний друг Овсей. Во время игры дым стоял столбом – курили все. В домашнем обиходе Овсея все называли Сейкой, а особо приближённые к игре – просто Распасейкой. Родители всегда с удовольствием ждали его прихода. Этот человек с орлиной внешностью любил жизнь во всех её проявлениях. Он был заядлым рыбаком, азартным картёжником, любил выпить и смачно курил какие-то жуткие сигареты не то «Прима», не то «Памир». Родители курили только папиросы «Беломорканал». Играть с Сейкой всегда было в радость. Помимо того, что он был хорошим игроком, он ещё и обладал бешеным темпераментом. Неожиданно выигранная им игра вызывала бурю весёлых эмоций, а ошибка партнёра, несмотря на ничтожные ставки, грозила членовредительством. В такие моменты его глаза загорались дьявольским светом, что, впрочем, вполне гармонировало с его демонической внешностью.

Родители играли слабо, и, разумеется, большей частью проигрывали. Папа к этому относился с олимпийским спокойствием, а мама – иногда нервничала. Так что бывало страсти разгорались нешуточные. В середине игры делалась пауза на ужин. Обычно мама предлагала вкусные бутерброды. В нашем доме на улице Свердлова (Прорезной) в подвале находилась «Кулинария» от ресторана «Лейпциг», где папа

покупал свежую буженину, греческие оливки и малосольную брынзу. Было очень вкусно запивать это крепким краснодарским чаем. Но чаще всего Сейка требовал рюмку водки и хвост селёдки. Иногда к игре присоединялся и я, тогда Сейка начинал играть более аккуратно, придерживая своих необузданных коней, понимая, что по уровню игры я уже мог ему соответствовать.

Памятуя известную преферансную аксиому «злейшие враги преферанса: жена, скатерть и шум», я решил из чисто «шкурных» соображений обучить Танюшу этой интеллектуальной игре, чтобы она сама, а не по моим рассказам, почувствовала её прелесть. Так что иногда Таня попадала в состав участников. А я благодаря этой нехитрой уловке обретал дополнительную степень свободы для возможности играть на стороне.

Шли годы, я стал попадать в более серьёзные компании. Мне почему-то никогда не приходило в голову, что можно нарваться на картёжных мошенников, называемых в криминальном мире каталами. По эмоциональ-

ным рассказам моих партнёров я знал, что жулики часто пользуются краплеными картами, играют, как говорится, в четыре руки или «на одну руку», владеют филигранной техникой затасовки колоды на определённый расклад карт и применяют множество иных шарлатанских приёмов. Очевидно, мне просто везло. Правда, я никогда не садился играть со случайными встречными, не принимал приглашений от вагонных попутчиков типа «Дорога длинная, делать нечего.... А не записать ли нам пульку по маленькой». Не клевал я на это. В Киеве наиболее популярными рассадниками картёжного «разврата» считались парк Шевченко и пляжные территории Труханова острова. Но и там я никогда не играл. Там собирались только профи или причисляющие себя к таковым. Многие из них хорошо знали друг друга, но для большей крутости отзывались, как было принято в криминальном мире, на клички или погоняла. Случалось, их разгоняла милиция. При этом безжалостно уничтожались колоды карт, а иногда даже приходилось откупаться, чтобы не написали на работу. Ведь игра происходила, разумеется, в светлое время суток, когда весь советский народ должен, напрягшись в едином порыве, с радостью трудиться на благо... и т.д. Я как раз этим и занимался, да ещё вечерами учился в Киевском Политехническом институте. Короче, «До того ль, голубчик, было?». В результате для удовлетворения моей «пагубной страсти» оставались лишь редкие выходные дни.

Однажды тесть моего приятеля, пригласил меня в компанию, где собирались исключительно отставники в чине не ниже полковника. А тут я, рядовой необученный, да в калашный ряд. Играли они азартно, подогревая себя в короткие паузы добротным коньячком. Играли «сочинку» по 5 копеек, что для меня было достаточно круто, поэтому, учитывая наш скудный в те годы домашний бюджет, я играл осторожно, что, в конце концов, и сформировало мой игровой стиль. Не так важно выиграть, как – не проиграть! Какое-то время Георгий Николаевич, тот самый тесть, тоже полковник из славной когорты сталинских со-

колов, брал меня с собой играть к одной даме, живущей в районе Львовской площади. Георгий Николаевич был на редкость симпатичным человеком, внешне очень смахивающим на киноартиста Михаила Жарова. О хозяйке дома Георгий Николаевич со свойственным ему юмором говорил, что она держит овощной магазин. Впервые попав к ней в дом, я ненадолго лишился дара речи. Квартира дышала избыточным изобилием, напоминая ломящийся от добра ломбард. Всюду ковры, картины и хрусталь. Но больше всего поражала огромная фотография, висящая на ковре в гостиной. На ней стояли в обнимку командир Путивльского партизанского отряда дважды Герой Советского Союза генерал Сидор Артемьевич Ковпак

и муж хозяйки дома.

Тем не менее, сразу чувствовалось, что хозяйкой дома была именно она, невзирая на героическое партизанское прошлое её мужа. Даже к игре он допускался не всегда, хотя страстно этого хотел. Но чаще она усаживала за стол молодого грузчика из своего магазина, который, судя по некоторым признакам, заменял мужа не только за карточным столом.

Играл парень отвратительно, нарушая гармонию игры, но приходилось мириться, поскольку это приносило существенные дивиденды. По окончании игры хозяйка дома легко и непринуждённо расплачивалась за себя и за того парня.

Мои родители были очень доброжелательными и отзывчивыми людьми, а потому круг их друзей был

достаточно широк. Прямо напротив нашего дома на Свердлова (Прорезной) жили приятели моих родителей Перельмутеры, сын которых ещё со школьных времён дружил с моей сестры. Его отец Виктор Ильич был в Киеве довольно значимой фигурой. До выхода на пенсию он работал бессменным главным бухгалтером Центрального гастронома №1. В те годы на такой работе, чтобы уцелеть, в прямом и переносном смысле, требовался не только высочайший профессионализм и аналитический ум, но и незаурядная гибкость.

Виктор Ильич держал себя с особым аристократическим достоинством, внешне напоминая мне, да простят меня

его потомки, к которым я по-прежнему отношусь с большой симпатией, несменяемого главу Татарстана Минтимера Шариповича Шаймиева. Виктор Ильич был человеком редкого обаяния и к тому же слыл хорошим преферансистом. По воскресеньям к нему приходили его друзья-преферансисты. Я долго добивался чести быть допущенным в их компанию и, в конце концов, это свершилось. Игра обычно

проходила в непринуждённой обстановке с шутками-прибаутками и обязательным чаем с бутербродами. Когда Виктор Ильич получал хороший прикуп, кто-то из партнёров с завистью обязательно восклицал: «Ничего себе!», на что Виктор Ильич с обезоруживающей улыбкой отвечал: «Да нет, всё себе».

С 1959 года по 1977 год я тратил свои лучшие годы на процветание киевского завода «Электроприбор». Кем я только там не работал. Поначалу я был контролёром ОТК, затем проектировал оснастку в КБ ОГТ, позднее вёл в качестве ведущего технолога изделия судпрома и, наконец, работал начальником технологического бюро механического цеха. С присущей мне прямоотой вынужден признаться, что мой путь не был украшен только трудо-

выми подвигами. А поскольку центральной темой повествования является игра, то даже завод стратегического назначения мог с помощью друзей игры в карты исполнять роль подпольного казино низового уровня. Всё там началось с азартной лагерной игры «Чмен».

Во всезнающей Википедии об этой игре сказано следующее: «Чмен – игра, заключающаяся в подсчете суммы цифр номеров денежных купюр». Среди наших рабочих были прошедшие, как говорится, огонь, воду и медные трубы, они и занесли эту игру в нашу заводскую жизнь. Суть игры примитивна до неприличия. Каждая денежная купюра имеет свой многозначный идентификационный номер. Один из играющих предлагает другому назвать любые по порядку цифры, нанесенные на купюре. Если сумма этих цифр после отбрасывания десятков оказывалась больше суммы оставшихся цифр, то банкнота переходит в собственность второго игрока. Если же сумма названных цифр уступает сумме неназванных, то второй игрок отдаёт свою ассигнацию, равную по номиналу зажатой в руке противника. Обычно мне везло чаще, чем это могло быть по теории вероятности. Думаю, что немалую роль играла моя хорошая зрительная память. Поскольку количество задействованных в игре купюр было ограничено, то мне удавалось запомнить большинство номеров, что, я думаю, и определяло моё везенье. Однако, всем известно, что лишних денег не бывает, а дополнительно полученные – карман не оттягивают.

Одновременно с моим карабканьем по извилистой заводской карьерной лестнице я без фанатизма пытался обнаружить в недрах трудового коллектива потенциальных партнёров по преферансу. Задача оказалась значительно проще, чем представлялась на первый взгляд. Желających записать пульку после тяжёлого трудового дня обнаружилось немало. Теперь по прошествии такого большого количества лет я могу без утайки сдать всех в соответствии со штатным расписанием. Однако не могу же я их так просто назвать, не сказав о каждом хоть несколько слов, не затрагивая, при этом, их профессиональной деятель-

ности. По принципу: всем сестрам по серьгам.

Главный технолог Иван Дыбка – красавец, чернобровый парубок, блестящий охотник. Иногда нашей закуской служило мясо его жертв.

Начальник производственного отдела Юлий Галич – человек атлетического сложения с лицом, напоминающим хищную птицу перед атакой. Однако запомнился мне он тем, что почему-то всё время оглядывался. Даже, когда подносил стопку ко рту.

Начальник транспортного цеха Борис Рохленко – сутулый человек с портфелем, в недрах которого всегда, на всякий случай, лежали выпивка и закуска. Учитывая некоторые особенности своей шевелюры, он никогда не расставался с фуражкой.

Начальник прессо-штамповочного цеха Владимир Торопов – простодушный, доброжелательный человек, забывшийся только своей слабой игрой и растерянной улыбкой.

Начальник инструментального отдела Семён Лейман – самоуверенный до заносчивости человек, несущий свой выдающийся нос, как символ национальной гордости.

Ведущий конструктор Юрий Шапиро – блестящий игрок, с анемичной внешностью типичного ботаника.

Ведущий технолог ОГТ Стальмар Цукров – не только сотрудник, но и мой добрый приятель. И всем был бы хорош, если бы не излишняя заторможенность. Сейчас он тоже живёт в Германии, и мы изредка перезваниваемся. Его странное имя – синтез двух фамилий вождей мирового пролетариата. Не знаю почему, но мы все заводские его называли Жорой, а домашние – Мариком.

Мастер ОТК Михаил Грановский – мой рано ушедший друг. Это был красивый молодой человек с нескрываемыми коммерческими наклонностями, но миллионера из него не вышло, пришлось переквалифицироваться, во что пришлось. А я в него искренно верил.

Заточник Виля Ригберг – застенчивый крупногабаритный молодой человек, отличительной внешней чертой которого, как у Роберта Рождественского, были две объём-

ные родинки на лице.

Шлифовщик Борис Максимцов – изящный парень, с незапоминающейся внешностью. Обращали на себя внимание лишь его багровые руки, изъеденные эмульсией от его шлифовального станка.

Получается почти по Гоголю: «Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я».

Все названные персонажи, как живые, довольно часто проплывают перед моим затуманенным взором. Но большинства этих милых моему сердцу людей, увы, уже нет в живых. Горько.

Однако пора возвращаться к сути вопроса. Несмотря на то, что наш завод был строгим режимным предприятием, нам всё же удавалось заниматься своей подпольной преферансной деятельностью. Где мы только ни играли. Бывало, пулька расписывалась даже на крыльях расточного станка в инструментальном цехе, но чаще всего игра шла в кабинетах вышеназванных ответственных работников. Главное, чтобы надёжно запирались двери. Иногда директор прохаживался по вверенной ему территории. Игрища проходили не часто, но наши задержки на работе для домашних объяснялись либо важными производственными совещаниями, либо сверхурочной работой. Как ни странно, но лучшими игроками были представители рабочего класса, а не технической интеллигенции.

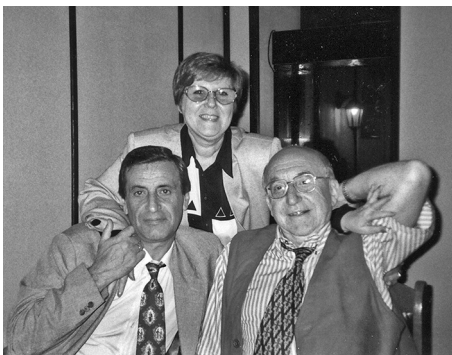
Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Пришёл черёд для завершающей части моей четырёхмастной исповеди. Задумывая этот текст, я хотел, чтобы повествование о моём не всеми принимаемом увлечении имело полноценную структуру с экспозицией, завязкой, развитием и развязкой. Как получилось – судить не мне. Мне теперь лишь остаётся приступить, не утратив по дороге присущей мне объективности, к развязке.

Мы приехали в Германию в январе 1994 года. Первый год, само собой разумеется, мы, преодолевая легко объяснимый стресс, извели на интеграцию в новую жизнь.

Не сказал бы, что мы в этом очень преуспели, но что-то всё же удалось сделать. Мы нашли подходящую нам квартиру в одном из спальных районов Кёльна, обустроили её уже в соответствии с нашими новыми представлениями о быте, купили машину и с головой окунулись в изучение немецкого языка. Нас оперативно мобилизовали на шестимесячные языковые курсы, где по восемь часов в день в нас безуспешно вдалбливали незнакомый, но такой нужный теперь нам, немецкий язык. Пройдя все круги ада этого первого иммиграционного года, стало очевидно главное – работа никому из нас не светит. С этим я долго не мог примириться, но и работодателей можно было понять. Кому нужны возрастные люди, как говорится, возвращающиеся с ярмарки, да к тому же, деликатно скажем, плохо знающие немецкий язык. Теперь слово незанятость приобретало какой-то мистический и даже угрожающий характер. Многие бросились с весёлой удалью тратить свалившееся на них свободное время на туристические поездки и культурную жизнь. Тут-то я и вспомнил вновь о преферансе.

Но найти потенциальных партнёров оказалось нелегко. Помог мне в этом мой друг Миша Грановский, который уже тоже вместе с женой и сыном тоже уже находились в Германии в городе Любек.

Оказалось, что, кроме нас, в Кёльне жили его киевские сослуживцы-преферансисты, с которыми он меня и познакомил. Они собирались обычно раз в неделю по очереди

у каждого из партнёров дома. Я устаивался приглашения на игру, когда кто-либо из их постоянного состава не мог принять участие. Уровень игры, нужно прямо сказать, был неважнецким, но за неимением гербовой, пишут на простой. Так или иначе, это

было для меня важной отдушиной и трамплином для дальнейшего развития темы.

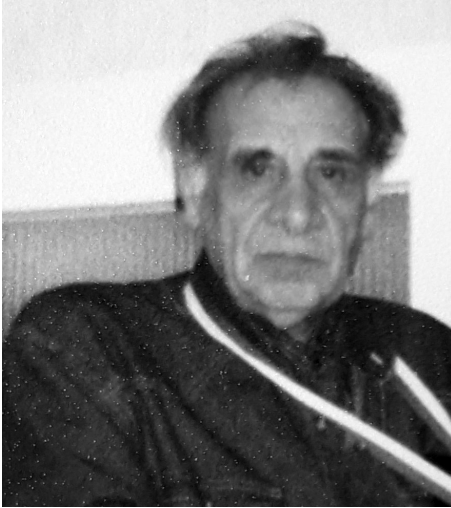
В 2004 году нам удалось создать на базе так называемого Культурного центра еврейской Общины в Порце преферансный клуб. К тому времени число желающих «переброситься картишками» (специальный термин) выросло до 15 человек.

Все члены клуба такие же вынужденные бездельники,

как и я, поскольку такая же древность, как и я. Вот уже более 15 лет мы собираемся два раза в неделю по вторникам и четвергам к 11 утра, невзирая на grimасы погоды и перемены в самочувствии. Эти встречи очень украшают нашу мало заполненную активной деятельностью иммигрантскую жизнь. Из всех видов преферанса мы предпочитаем «ленинградку». Обычно играем до 17-18 часов с небольшим перерывом на кофе, успевая сыграть три пули по 50. Чаще всего игра идёт одновременно на трёх столах, поскольку обычно приходят 10-12 человек. Эта замечательная игра служит, во-первых, надёжным мозговым тренажёром, а во-вторых, позволяет получать кайф от

адреналиновых выбросов, хотя играем мы всего по одному евроценту. Всё-таки – получатели щадящей социальной помощи. Там же в Центре мы обычно отмечаем все дни рождения. За здоровье именинника пьётся разрешённая водочка, которую закусываем исключительно кошерной закуской. Оказалось, что водка картам не помеха, а скорее даже наоборот. Но уже поздно втягиваться.

Теперь пришло время посвятить хотя бы по несколько строк наиболее активным членам нашей преферансной команды. Но, учитывая что «иных уж нет, а те далече», начну с тех, кого, к большому сожалению, уже с нами нет.

Первая потеря постигла нас ещё в 2009 году. На 80-м году жизни умер

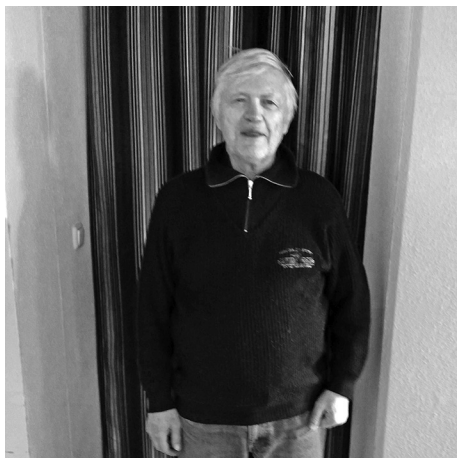
милейший, интеллигентный человек из Санкт-Петербурга Роберт Шварцман. Никогда не забуду, как однажды он приехал в Центр, радостно возбуждённый после победы «Зенита» в Суперкубке УЕФА. Его тощая долговязая фигура появилась в зале в фанатской зенитовской бело-голубой атрибутике – шапочке и шарфике. Это было и смешно, и трогательно.

В 2017 году мы простились с нашим ветераном Леонидом Фишем. Несмотря на то, что ему к тому времени уже исполнилось 92 года, все его ласково называли Лёничкой. Это был очень симпатичный человек, прошедший рядовым до самого Берлина, сохранивший не только неиссякаемый оптимизм, но и густую седую шевелюру, и лукавую улыбку.

В последнее время он играл всё хуже и хуже, признаваясь с виноватым видом: «Та я уже не могу ни сосчитать, ни запомнить». Но до последнего дня он оставался вер-

игры он проявлял орлиную наблюдательность, неотрывно следя за руками игроков при размещении прикупа и определении сноса, умудряясь ещё и каким-то необъяснимым образом заглянуть

в карты партнёров, что, впрочем, предусмотрено неписанными правилами преферанса. И тогда за столом кто-нибудь обязательно восклицал: «Внимание! Покрышкин в воздухе».

Не прошло и года, как мы уже прощались с Женей Островским. По его рассказам он был начальником крупного цеха на днепропетровском заводе «Южмаш».

Мужчина небольшого роста, плотного телосложения с застенчивой улыбкой человека, только что потерявшего невинность. Нам часто приходилось слышать от него о его выдающихся кулинарных достижениях, особенно в выпечке. И действительно, бывало, что наши застолья завершались кофепитием с тортами, приготовленными Женей.

ным любимой игре.

Спустя год, ушёл из жизни ещё один из наших товарищей по оружию. Валерий Кудрявцев сгорел буквально за три месяца.

Это был спортивный неунывающий человек. Когда с порога раздавалось его бодрое: «Здравствуйте, товарищи!», все дружно и весело отвечали ему тем же. Во время

в карты партнёров, что, впрочем, предусмотрено неписанными правилами преферанса. И тогда за столом кто-нибудь обязательно восклицал: «Внимание! Покрышкин в воздухе».

Не прошло и года, как мы уже прощались с Женей Островским. По его рассказам он был начальником крупного

Но во время поминок неожиданно выяснилось, что торты, которыми мы наслаждались, были делом рук его дочери. Она с улыбкой сказала, что папа даже толком не знал дороги на кухню. Теперь, как говорится, во здравие. Оставшееся живое поголовье, тоже заслуживает моего придирчивого взгляда.

Одним из ветеранов нашей картёжной движухи является Саша Бреш. Фигура, надо сказать весьма противоречивая.

Этот маленький плотный сложения человек с головой, напоминающей кремовый бильярдный шар, обладает нестигаемой уверенностью в собственной непогрешимости.

Как и у всех нас с годами его игра не становится лучше. Но он свои ошибки признавать категорически отказывается, отбиваясь от нас банальными фразами типа:

– У меня же могучайшие висты!

– Но ты же завистовал против правил и напортил, –уже вяло нападаю я.

А в ответ слышу привычное:

– Так что, я должен свои висты тебе отдать? – в надежде на мою снисходительность мямлит он. У меня же летят искры из глаз, а Саша спокоен, как северный мамонт. И тишина, изредка прерываемая его примитивными иди-

омами, от которых даже Эллочка Людоедка вынуждена была бы покраснеть. Вот они:

«Барнаулить» – говорить, не молчать;

«Не глуми» – не выдумывай, не дури;

«Лохморец» – презрительная кличка;

«Думай, Мойша, но не спи».

«Нету чудес и мечтать о них нечего».

Последние фразы произносятся им, как бы не приходя в сознание, по поводу и без.

Справедливости ради хочу добавить, хотя к качеству игры это в данной ситуации не имеет отношения, что он прекрасный семьянин, любящий муж, заботливый отец и трогательный дедушка.

Надо сказать, что в Сашах мы не испытываем недостатка. Саша Кейлин в этом году отметил своё 90-летие, ко-

торое так и не удалось отметить из-за непрекращающегося коронавирусного локдауна.

К этому милому красивому человеку, отличающемуся удивительно спокойным и уравновешенным нравом, все партнёры относятся с особым уважением.

Пришёл черёд третьего Саши – Саши Красовицкого. Умный, образо-

ванный, доброжелательно улыбчивый человек с крупной лобастой головой, напоминающей голову сенбернара, и к тому же отличный игрок.

Саша чаще выигрывает, но не потому что он знает что-то, чего не знают другие, а потому, что он играет легко и свободно, не выжимая всеми правдами и неправдами деньги из партнёров. Он берёт рискованные мизера со словами: «Пусть будет мизер. Я слишком много выигрываю». И действительно, на радость нам, иногда проигрываю».

вает. А на моё фальшивое сочувствие, дескать, что же ты берёшь такой безнадёжный мизер, он с весёлым смехом отвечает: «Тебе не понять. Ты не романтик».

Недавно после тяжёлой болезни ушла из жизни его жена Аня, которая не вставала с постели почти десять лет. Все эти годы они боролись за её жизнь, и Саша само-

отверженно ухаживал за ней, не скрывая даже от посторонних свою любовь к ней и преданность.

Ну вот, с Александрями я, наконец, справился, как смог. Осталось столь же непредвзято разобраться с львиным прайдом. Речь пойдёт о Льве Рудмане и Льве Донде.

Начну с земляка. Лёва Рудман – опытный игрок, тоже киевлянин, в прошлом постоянный участник игрищ на Трухановом острове и в парке Шевченко.

Он окончил Киевский автодорожный институт, но, как ни странно, всеми силами старается сохранить шофер-

ский имидж, как в известной песне – «крепче за баранку держись, шофёр». При этом он очень неглупый, много читающий и пристально следящий за всем происходящим человек. Его игра далеко не всегда отличается чистотой. А при проигрышах Лёва умеет держать удар, но неожиданно в мелочных ситуациях он вдруг сле-

тает с катушек, становится громогласным и непримиримым. К счастью, это происходит не слишком часто. Так что большую часть времени мы проводим относительно мирно. Если только не зацикливаться на излишне эмоциональных реакциях далёких от нормативной лексики. Но тут мы все хороши.

Правда есть ещё один раздражающий меня момент. У Лёвы очень суетливые руки, которыми во время розыгрыша он непрерывно дёргает карты или просто елозит ими по столу. После очередной сдачи он торгуется по своей, всем надоевшей, излюбленной схеме: пика – трефа – поддержку – бубна – моя масть – черва – буду играть и т.д. Но это, пожалуй, будет понятно только преферансистам. А ещё Лёва часто пользуется и другими устойчивыми не слишком оригинальными выражениями:

«В углах написано...»

«До сих пор бы играли...»

«Бог не Яшка, видит, кому тяжко.»

«Ёсып тэбэ робыв (укр.).»

Что же касается московского царя зверей – Льва Донде, то это уже совсем другой коленкор. Лёва среди нас провинциалов из Украины выглядел эдаким московским светским львом.

Он появлялся в нашем Центре такой элегантный, спортивный, переполненный горячими последними новостями прямо из первых рук. Как человек компанейский и умеющий отвечать добром на добро, Лёва за свою жизнь обзавёлся важными высокими связями, что, разумеется, отразилось не только на его философии, но, главным образом, на его жизненной позиции. По правде

сказать, мне всегда было приятно общаться с ним и не только за игрой.

Не могу не отметить, что стиль его игры почти всегда отличался умеренностью и стабильностью, что позволяло ему ощущать себя преферансным гуру местного разлива. Он жарко отстаивал незыблемые каноны игры, которые, как известно опытным игрокам, «записаны в углах». И, если (даже страшно подумать) кто-то из нас нарушал эти законы, тут же раздавался его строгий безапелляционный окрик: «Ходи по правилам, и не делай из меня какого-то Лёву».

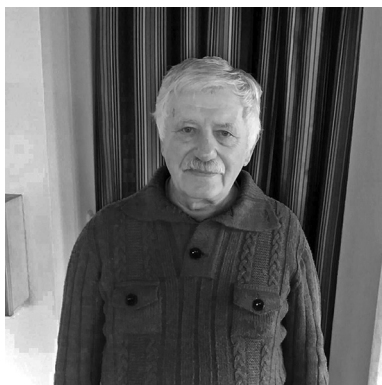
На этом, пожалуй, можно было бы закончить моё беспристрастное и всё же субъективное описание действующих лиц и исполнителей. Конечно, внимательный читатель, если такой всё-таки отыщется, может меня упрекнуть за то, что я назвал лишь 9 игроков нашего преферансного клуба из анонсированных 15 участников. Каюсь, виноват. Я просто подумал, что достаточно рассказать честно и откровенно о наиболее ярких представителях нашего сообщества. Что я и сделал.

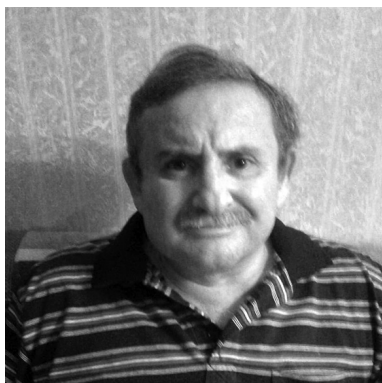
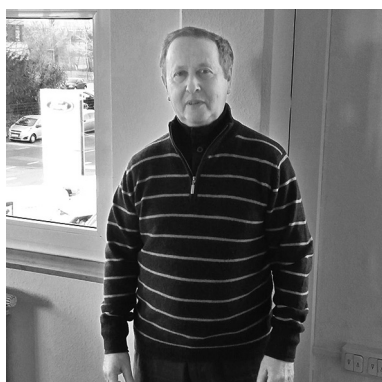
И всё-таки не могу отказать себе в удовольствии представить тебе, дорогой читатель, ещё пятерых коллег по игре. Это киевлянин Игорь Будиловский, который оказался не только приличным преферансистом, но и вполне профессиональным музыкантом.

Как тут не вспомнить Ильфа и Петрова «Судьба играет человеком, а человек играет на трубе!». Во время игры Игорь не ошибается не часто, но и эти редкие огрехи никогда не признаёт.

Приятным в общении как человеческом, так и партнёрском

является приехавший из Кишинёва Давид Меремс. Он обладает быстрой игровой реакцией и глубоким пониманием сути игры, что позво-

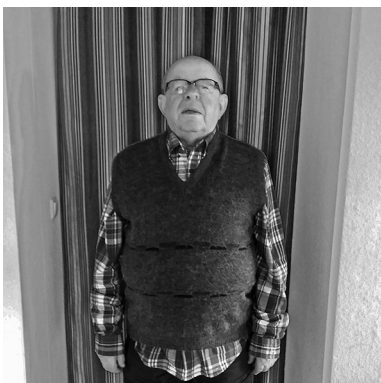
оказался приехавший с Северного Кавказа Евгений Кудрявцев – родной брат покойного Валерия.

Отличительной чертой Евгения является крепкая нервная система и обаятельная улыбка. При этом, уровень его игры, по правде говоря, оставляет желать лучшего.

А как раз лучшим среди нас игроком, на мой взгляд, является приехавший из Кишинёва Давид Меремс. Он обладает быстрой игровой реакцией и глубоким пониманием сути игры, что позволяет всегда проявлять присущую ему невозмутимость. Всякий раз, когда ему удавалось выиграть очередную игру, он тихим голосом произносил: «Это вышло совершенно случайно».

Несколько лет тому назад в наш возрастной коллектив влился относительно молодой «пулемётчик» из Одессы Владимир Верник.

Володя хороший игрок, но, на мой взгляд, плохо умеющий держать удар. Для него фактор выигрыша является решающим. А потому, когда приходит пора невезения или, говоря языком преферансистов – непёрка (не всегда же побеждать), то присущая ему постоянная блуждающая улыбка, сменя-

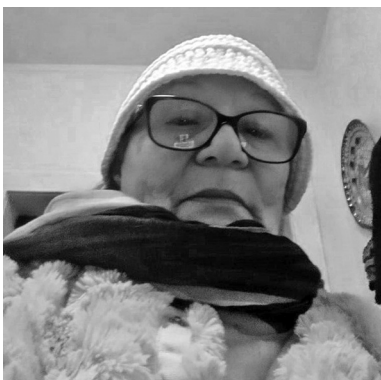
ется выражением горького отчаяния.

Нашу команду не так давно покинул Вадим Гугилев. К счастью это связано с его переездом в другой город к сыну, что, несомненно, правильно.

Но при этом мы потеряли надёжного партнёра не только за игровым столом, но и во время наших редких застолий.

Вадим прослыл человеком твёрдых жизненных позиций. Поэтому он мысленно разделил наш не всегда дружный коллектив на друзей и недругов, что, хочу отдать ему должное, никогда не проявлялось во время игры.

С особым удовольствием хотелось бы отметить, что в наш сугубо мужской коллектив влилась дама, да к тому же ещё и блондинка, да к тому же ещё и зовут её Света – Светлана Нинова.

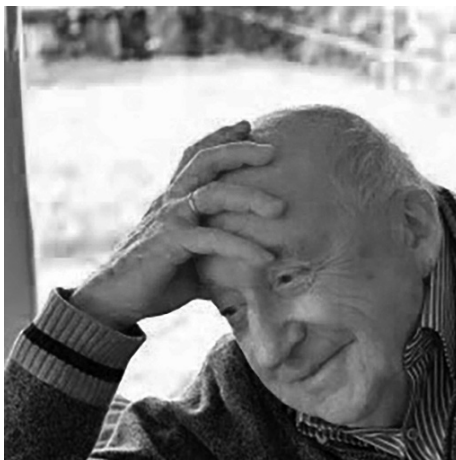

Ну, прямо-таки «луч Светы в тёмном царстве». Высоким игровым мастерством Света похвастаться не может, но, обладая доброжелательным и жизнерадостным характером, она с лёгкостью переносит эти незначительные поражения, которые, по большому счёту, и яйца выеденного не стоят.

Теперь остаётся только также бескомпромиссно «незлым, тихим словом» (Т.Г.Шевченко) помянуть самого себя. Сразу скажу, я тоже не подарок. Внешне, как это не обидно мне признавать, я ничем не отличаюсь от общеизвестного облика старого еврея. Я высок, грузен, не обременён шевелюрой, чего нельзя сказать о животе, с носом, свисающим тяжёлой каплей с потрёпанного жиз-

нью лица. Умею с помощью юмора разрулить любую сложную ситуацию за игровым столом. Но не всегда.

Ошибки в игре, как партнёров, так (особенно) и мои срывают крышу. При ошибке партнёра могу наброситься на

него, «аки вепрь дикий», а при моей – приношу извинение, временно замолкаю и надолго зависаю над столом, мрачной свинцовой тучей. Есть ещё одна особенность, которая может раздражать моих коллег – я во время игры непрерывно что-то тихонько насвистываю. Но они, спасибо им, безропотно терпят, из чего у меня склады-

вается ощущение, возможно ошибочное, что им всё-таки нравится со мной играть.

Я думаю, что не последнюю роль в наших отношениях играют и мои базовые игровые принципы:

1. Не обязательно выиграть, главное – не проиграть (едва ли не олимпийский принцип Кубертена).

2. Не выигрывай каждый раз — потеряешь партнеров.

Поэтому всегда с благодарностью вспоминаю гениальные строчки Бориса Пастернака «Но пораженья от победы ты сам не должен отличать».

А что же происходит сейчас? Весь мир под воздействием коронавируса попал в зону критической турбулентности. Разрушительные волны следуют одна за другой. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) опубликовала очередные тревожные цифры. Сегодня 27 января заражёнными считаются уже 101058488 человек, а число ушедших из жизни достигло 2174084. Человечество замерло в ожидании уже третьей волны. И это не может не отразиться на каждом из нас.

Я прекрасно понимаю, что развязка близка, поэтому каждый новый день воспринимаю как божественный дар, пытаюсь насытить его, насколько позволяет здоровье и обстоятельства, ощущениями радости бытия. И всё же никак не могу избавиться от горького чувства, что нас обокрали. Причём украли самое дорогое, чем мы какое-то время ещё могли распоряжаться. Смею утверждать, что обрушившаяся на планету эпидемия, не пытаюсь анализировать источники её возникновения, существенно сократила рамки нашего жизненного пространства.

Множество понятных и непонятных ограничений существенно снижают уровень комфорта нашего быта. Закрыты двери ресторанов, музеев, концертных залов, бассейнов, фитнес-центров, большинства магазинов и многое другое. Закрыт и наш Центр в Порце. Как поётся в песенке из известного мультфильма: «Неприятность эту мы переживём». Это-то мы действительно переживём, а как пережить пандемию?

27 января, 2021 года

***Все
на выборы!***

«Мы выбираем, нас выбирают.
Как это часто не совпадает».

Песня

13 сентября 2020 года в Кёльне проходили очередные муниципальные выборы. Все стремящиеся к тем или иным формам власти местного разлива решили добиваться осуществления своих мечт любыми доступными им в демократической стране методами.

На местных коммунальных выборах жители Кельна определяли своего обер-бургомистра, обновлённые составы городского и окружных советов, а также выбирали представителей в Интеграционный городской совет.

Каждый представитель городского электората при входе на избирательный участок получал четыре разноцветных бюллетеня. Белый – представлял собой перечень из 13 кандидатов, желающих занять манящее кресло обер-бургомистра. Розовый (я ни на что не намекаю) – гарантировал избирателям, что в муниципальный городской совет попадут самые достойные. Голубой (да, что за наваждение, но я опять не о том) – представлял собой перечень партий и групп, выдвинувших своих лучших представителей в совет одного из городских округов. Для более эффективного решения организационно-хозяйственных задач город разбит на 9 административных округов, во главе которых стоят районные управления. К этой сомнительной, на мой взгляд, синекуре и рвутся наиболее активные граждане нашего города.

И, наконец, бюллетень зелёный, цвет которого уже не вызывает никаких дополнительных ассоциаций, содержит список из 29 представителей (блоков и самовыдвиженцев) широких трудящихся (и не очень) масс, претендующих на избрание в члены так называемого Интеграционного Совета города. Этот общественный орган вроде бы и ничего самостоятельно не решает, но быть в него избранными по не объяснимым причинам почему-то стремятся многие. Возможно, само слово «член» дорогого стоит.

Интеграционный Совет призван способствовать решению проблем представителей разных национальностей, прибывших в Германию из-за границы на постоянное место жительства, для ускорения их интеграции в немецкое общество и адаптации на новом месте жительства.

Немудрено, что в этой непростой борьбе каждый дополнительный голос может оказаться решающим. Хотя, что может всерьёз определяться на этом уровне, я решительно не понимаю. И, тем не менее, с приближением даты выборов у меня стали появляться ходоки с прошениями. Ничего не напоминает? Учитывая, что в узких кругах широкой городской иммигрантской общественности мы с Таней более или менее персоны известные, то эти самые ходоки, осыпая нас яркими предвыборными агитационными флаерами (листочка на современном сленге), обращались с нижайшей просьбой проголосовать исключительно (в бюллетене можно поставить лишь один крестик) за представителя их партии или блока.

Так к нам обратились миссионеры от партий СДПГ, ХДС и Зелёных, а также от сколоченного на скорую руку русскоязычного блока. От количества желающих быть избранными шла кругом голова. Припомнились строчки В. В. Маяковского: «...кудреватые Митрейки, мудреватые Кудрейки – кто их, к черту, разберет!». Наше положение осложнялось ещё и тем, что среди ходоков-миссионеров были и наши добрые знакомые, которые в большинстве своём могли вполне быть выдвинутыми, но уж никак не задвинутыми. Поэтому мы с Таней, уж как смогли, разделились в своих предпочтениях.

И вот полные решимости мы отправились 13 сентября на наш избирательный участок. Город напоминал безлюдную пустыню, что обычно и происходит в воскресный день. Лишь одинокие прохожие с антивирусными масками на лице вяло тянулись, как и мы, к школе, в которой размещалось то, что в нашей прошлой жизни (в СССР) называлось «агитпункт».

Тогда это рутинное действие усилиями партийных идеологов превращалось во всенародный праздник. Повсюду

в городах и сёлах присутствовало праздничное возбуждение. Сейчас это даже трудно себе представить, но тогда большинством избирателей выборы не воспринимались дешёвым (или дорогим) фарсом.

Все агитпункты были оснащены колоколами-громкого-

ворителями, из которых на голову хорошо подогретого электората (каюсь, в те годы такого слова в принятом лексиконе ещё не было) обрушивалась оглушительно-бодрящая музыка, типа «Утро красит нежным светом / Стены древнего Кремля, / Просыпается с рассветом / Вся Советская земля». Повсюду взор натывался на транспаранты с пылкими призывами типа: «Все на выборы!» или «Я голосую за нерушимый блок коммунистов и беспар-

тийных!». Что за блок? Такой ли он прочный? И почему нерушимый?

Избирательные участки открывались уже в шесть утра. И чем раньше ты отдавал свой голос (отдать голос – ужас!), тем более лояльным ты считался советскому строю. И это была не фигура речи. За этим следили специально назначенные агитаторы и так называемые общественные активисты. А по-простому – смотрящие.

Руководители партийных и советских органов на местах задолго до выборов решали, кто может быть назначен кандидатом в депутаты всех уровней. Для этого определялись конкретные квоты. Столько-то рабочих,

столько-то представителей колхозного крестьянства и столько-то интеллигенции. А уже внутри этих групп устанавливались строгие нормы по партийности, полу и возрасту.

В советском бюллетене для голосования стояла только одна фамилия кандидата. Поэтому ни галочки, ни крестика ставить было просто негде. Это значительно упрощало достижение нужного результата. Бюллетеней в день выборов могло быть несколько, поскольку могли избираться депутаты нескольких уровней, но в каждом бюллетене все равно была только одна фамилия.

На избирательных участках были кабины для голосования. Но зайти туда означало навлечь на себя подозрение. Чего-чего, а смотрящих в СССР всегда хватало. Поэтому настоящий гражданин и патриот своей родины получал бюллетень и, ни секунды не раздумывая, без малейших колебаний, должен был опустить его в урну для голосования. Эти незначительные унижения легко компенсировались обязательными буфетами, расположенными прямо на территории агитпункта. Туда завозились деликатесные по советским понятиям продукты и напитки. Если повезёт, там можно было купить полкило сосисок. В одни руки больше не давали. Избирателей заманивали дефицитным в те времена бутылочным пивом и другими прохладительными напитками, фруктами, бутербродами и выпечкой.

В результате голосовали тогда фактически только за одно — «за нерушимый блок коммунистов и беспартийных». И по завершению выборов торжественно оглашались ожидаемые и неизменные из года в год результаты. Конечно же, победу предсказуемо всегда одерживал этот железобетонный блок.

Но, к счастью, это было много-много лет назад. А теперь мы безо всякого энтузиазма плелись в школу-агитпункт, где весь электорат нашего района был разведен по классам в соответствии с буквами немецкого алфавита. Ни тебе воодушевляющих лозунгов, ни тебе браваурной музыки. Я уже не говорю о возможности приобрести

дефицитные сосиски, которых, как вы понимаете, в Германии днём с огнём не сыщешь. Мы честно исполнили свой гражданский долг, проголосовав в соответствии с нашими предпочтениями.

Когда я заканчивал этот текст, стали известны результаты выборов в Интеграционный Совет Кёльна. Как и в прошлые годы больше всего в Совет было избрано представителей турецкой общины. Оно и понятно. Во-первых, их в Кёльне значительно больше, а во-вторых, они существенно более активны. Среди двадцати двух избранных оказались лишь двое русскоязычных. Это, конечно же, крайне мало для решения наших проблем. И всё же приятно сознавать, что и мы этой малой силы частица.

Сентябрь, 2020 года

***Уколотся
и
забыть...***

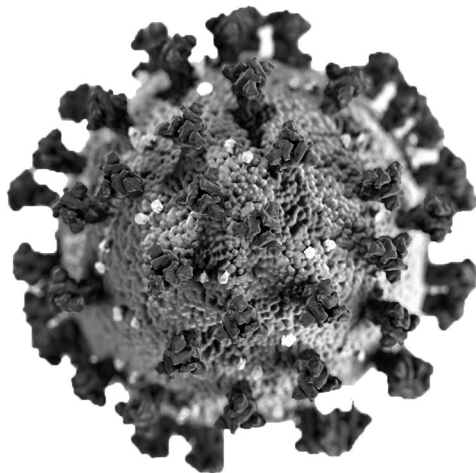
Вакцина – медицинский препарат биологического происхождения, обеспечивающий организму появление приобретённого иммунитета к конкретному антигену, против которого организм обычно начинает вырабатывать собственные антитела.

Википедия

Этот текст я хочу посвятить (пусть это звучит слишком громко, зато абсолютно искренне) государству, которое старается думать о людях, даже о тех, кто в силу своего почтенного возраста уже не может приносить пользу своей стране. Я знаю, что найдётся немало злопыхателей и просто скептиков, которые готовы забросать меня камнями, рассказывая, где и что им недодали, как вовремя не расстелили им под ноги красную ковровую дорожку, как и когда их обделили должным (по их разумению) вниманием. Эти недоудовлетворённые (особенно из категории 70+) очень любят с обидой в голосе рассказывать, что, побывав наемдни у своего врача, пожаловались на нездоровье, а в ответ услышали: «Что же вы хотите, дорогой мой? Вы получаете все необходимые лекарства, но медицина не всесильна. Природу я, как не стараюсь, не могу изменить». Так и уходит наш персонаж, недоудовлетворённым, со своими недомоганиями, накопленными за долгую жизнь. Ну, что тут скажешь? Не придумала пока, к сожалению, наука действенного лекарства от старости. «Однако песня не о том...». Эк меня занесло! На самом деле я просто хочу рассказать, как в Кёльне, когда это стало возможным, была организована процедура вакцинации от коронавируса. Но сначала небольшая преамбула.

31 декабря 2019 года Китай подготовил зловещий сюрприз людям планеты Земля, объявив об обрушившейся на город Ухань (провинция Хубэй) коронавирусной инфекции, названной Covid-19. Уханьской искры оказалось достаточно, чтобы пламя вирусного пожара охватило всю

планету. Уже в начале марта 2020 года это страшное по своим последствиям заболевание было обнаружено во многих странах мира.

Болезнь, вызванная вирусом SARS-CoV-2, протекает по-разному. От лёгкой бессимптомной формы до тяжёлой двусторонней пневмонии. Однако количество жертв уступающее росло, а медицине не удавалось найти эффективные средства для борьбы с этим бедствием. 11 марта Гендиректор ВОЗ Те-

дрос Адханом Гебрейесус официально объявил о том, что вспышка эпидемии коронавируса COVID-19 приобрела характер всеобщей пандемии.

В связи с отсутствием вакцины, позволяющей хотя бы замедлить распространение эпидемии, многие страны, осознав нависшую над миром угрозу, стали предпринимать превентивные меры. Так страны ЕС по инициативе главы Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен объявили о 30-дневном запрете на въезд в Евросоюз. С учётом сложившихся в данное время обстоятельств нам, жителям Германии, уже во второй половине марта были настоятельно рекомендованы следующие правила жизни:

1. Свести к минимуму выходы из дома, а для пожилых людей – вплоть до полной изоляции.
2. Закрыть все учреждения (культура, спорт, церковные службы, парки, образование, социальные службы, детсады), связанные с посещением большого количества людей.
3. Посещать продуктовые магазины, аптеки, банки и заправочные станции только в перчатках и масках.
4. Мыть руки с мылом не менее 30 секунд.

5. Исключить все тактильные контакты, соблюдая так называемую социальную дистанцию в 1,5 – 2 метра.

6. Перевести весь общественный транспорт на режим работы с увеличенным тактом.

7. Не паниковать.

Вот так мы и живём уже больше года. Задыхаемся в масках специального назначения (FFP2, KN95/N95 или ОР), шарахаемся друг от друга на улицах в попытке соблюсти установленную дистанцию в 2 метра (тротуары стали малы, вынуждая выскакивать на проезжую часть улицы) и «наслаждаемся» опостылевшим одиночеством (слава Б-гу, мы – вдвоём) без малейшей надежды в ближайшем будущем на встречу с приятелями за рюмкой чая. Но самое страшное – это сопутствующая эпидемии коронавирусная фобия. Люди не на шутку напуганы, и их можно понять. Поступающая информация не только лишена необходимой конкретики, но зачастую даже противоречива.

Отсюда и паника, едва ли не более разрушительная, чем сама болезнь. В средствах массовой информации в погонях за рейтингами (чем выше рейтинг, тем интенсивнее денежный поток) раздули эту тему до космических размеров. Появилось бесчисленное множество так называемых экспертов, которые ради личного пиара, ради возможности лишней раз мелькнуть на экране телевизора, ради напоминания о себе в прессе готовы выдувать воздушные пузыри близких к правдоподобию устрашающих версий. Хотя эти «специалисты» должны были в период отсутствия вакцин от коронавируса пытаться всячески успокаивать людей, призывая к самодисциплине и выполнению хотя бы элементарных правил гигиены, на примере Китая, который уже 29 марта 2020 года заявил о победе над эпидемией коронавируса в стране только за счёт применения строгих дисциплинарных мер.

Пандемия Covid-19 заставила человечество вспомнить, какими опасными и разрушительными бывают вспышки инфекционных болезней. Лишь создание действенной вакцины сможет стать единственной надеждой на возврат к нормальной жизни. И тогда многие страны, имею-

щие необходимый научный и промышленный потенциал, приступили в экстренном порядке к разработке, испытаниям и производству вакцин. В результате вначале 2021 года в мире разрабатывалось около 200 потенциальных вакцин против коронавируса, шесть из которых уже применяются в разных странах для вакцинации населения. При этом все они ещё до конца не прошли третью стадию клинических испытаний. Почти одновременно на мировом рынке вакцин появились четыре вакцины. И тут началась невиданная доселе битва за лидерство по продажам. Явными фаворитами в этой гонке оказались именно эти четыре двухкомпонентные вакцины.

Вакцина BioNTech/Pfizer, разработанная немецкой компанией BioNTech и американским концерном Pfizer, получила разрешение к применению в ЕС уже в декабре 2020 года. Ориентировочная стоимость за две прививки 40 долларов.

Вакцина Moderna, названная по имени разработавшей её американской компании, была одобрена к применению в Европе в начале января 2021 года. Её ориентировочная стоимость за две прививки 60 долларов.

Вакцина Sputnik V была создана одной из первых в России в НИЦ эпидемиологии и микробиологии имени Гамалеи, но до сих пор так и не получила право на применение в ЕС. Её ориентировочная стоимость за две прививки 20 долларов.

Вакцина AstraZeneca была разработана шведско-британской фармацевтической компанией совместно с Оксфордским университетом. Эта вакцина самая дешёвая (5 долларов), но, к сожалению, и самая непредсказуемая по сопутствующим осложнениям.

Теперь для лучшего понимания сложившейся на рынке ситуации попробуем сделать несложные арифметические подсчёты. В качестве примера для определения потребности в вакцине возьмём Европу. Сегодня здесь живут около 450 миллионов человек. Эксперты ВОЗ утверждают, чтобы победить коронавирусную пандемию, нужно обеспечить так называемый коллективный иммунитет. А это

возможно лишь при массовой вакцинации (не менее 70%). Так вот, даже если просто взять самую дешёвую вакцину, получается:

$450\,000\,000 \times 0,7 \times 5$ (AstraZeneca) = 1 575 000 000 долларов. Для большего эффекта прочтём эту цифру – более полутора триллиона долларов. Это и есть, на самом деле, цена вопроса. Вот, что может достаться единоличному победителю в этой битве на рынке вакцин. Вот как важно оказаться здесь в лидерах. Ведь известно, кто первый встал, того и тапки...

В Германии был дан старт массовой вакцинации в январе. Что тут началось – ни в сказке сказать, ни пером описать! Проснулись даже медведи в берлогах. У нас в Кёльне средства массовой информации подробно разъяснили, когда и как можно зарегистрироваться на двухэтапную вакцинацию. График сроков вакцинации отдавал предпочтение людям, достигшим возраста свыше 80 лет. Не перестаю удивляться (в самом добром смысле этого слова) государству, дающему преимущество спасению людей, которые уже практически исчерпали свой жизненный цикл. Тем самым, по сути, мы впервые в жизни ощутили себя среди избранных. И это справедливо – всё-таки дожили. Всем желающим предлагалось записаться на вакцинацию, позвонив по бесплатному телефону 0800/116 117 01 или осуществить это же, зайдя в Интернет, на сайте www.116117.de. Кроме того, была ещё дополнительно открыта горячая телефонная линия (0221 / 221-33578), работающая с понедельника по субботу с 8:00 до 20:00.

И всё было бы хорошо, но вот незадача – по этим телефонам невозможно было дозвониться. Но я – человек терпеливый и умею ждать. Вместо ответа, в паузах между сигналами «занято», многократно звучал «Полонез» Агинского, прерываемый иногда бодрым электронно-механическим голосом. Этот голос пытался уверить меня в том, что они безмерно рады моему звонку и, что как только, так и сразу. Потратив на эту безнадёжную процедуру целый день, моя нервная система всё-таки дала сбой. Отшвырнув телефон, я сел за компьютер, продолжая чув-

ствовать недоброе. Однако всего лишь спустя полчаса мне удалось зарегистрироваться на обе прививки.

К сожалению, далеко не все оказались столь удачливы. Не всем удалось дозвониться. Народ нервничал в ожидании какого-нибудь подвоха. Оно и понятно. Ведь именно пожилым людям так свойственен синдром тревожно-мнительного характера.

При встрече со знакомыми вместо приветствия всё чаще, как выстрел в упор, стал звучать вопрос:

– Ну, тебе удалось записаться?

– Да легко, – с наигранной небрежностью отвечаю я.

– Как же ты смог дозвониться? Я уже третий день безрезультатно сижу на телефоне, – вялым голосом цедит он сквозь зубы.

– Вообще-то на телефоне не сидят, – не к месту шучу я и продолжаю менторским тоном.

– Телефон дело безнадёжное. Попробуй, как я, зарегистрироваться онлайн в Интернет, – даю очередной совет с едва скрываемым оттенком превосходства.

Собеседник угасает на глазах.

– К сожалению, я так и не освоил компьютер, – едва слышно произносит он.

– Тогда обратись к кому-нибудь за помощью.

На этом нить разговора обрывается.

При регистрации мы избрали датой первой прививки – 10 марта. Под центр вакцинации город отвёл огромный павильон №4 в ярмарочном комплексе Messe/Deutz, находящийся по адресу Deutz-Mülheimer Straße 22. К обслуживанию жаждущих «уколоться и забыться» подключена целая армия волонтёров. Кроме того, администрации Кёльна, учитывая заслуженный возраст первой очереди вакцинирующихся, приняла важное решение об оплате расходов на такси при поездке на прививку. Специальным циркуляром городской мэрии определены категории граждан, имеющих право на возмещение расходов на такси при поездке на прививку от дома к центру вакцинации и обратно.

К ним отнесены:

- обладатели Кёльн-пасса (Köln-Pass);
- получатели базового обеспечения по старости (Grund-sicherung im Alter);
- лица, имеющие первую или вторую ступень от кассы медицинского страхования по уходу и обслуживанию (Pflegestufen).

Этим же документом подробно сформулирована пошаговая инструкция о том, как будет проходить весь процесс. Всё начинается с заказа такси. Диспетчер центральной диспетчерской таксопарка (тел: 2882) прежде чем принять заказ на такси выяснит у вас, на какое время вам назначена прививка, и к какой категории граждан, имеющих право на возмещение расходов на такси, вы относитесь. А далее всё произошло, как говорится, по тексту. Такси приехало точно в указанное время, водитель по предъявленному мною удостоверению выписал квитанцию, отвёз нас к центру вакцинации и уехал. Нас тут же подхватили волонтеры и препроводили в зал ожидания, где уже другие помощники перемещали нас из задних рядов всё ближе и ближе к окошку очередной регистрации.

Зал волнообразно заполнялся концентрированной старостью. Кто въезжал на самоходных креслах, кто перемещался при помощи ходунков или роллаторов, кто ковылял, помогая себе

палочкой, а кто, вроде нас, передвигались без вспомогательных средств. Но, несмотря на это, атмосфера в зале была празднично приподнятой.

Получив от регистраторов папку с соответствующим образом оформленными документами, мы отправились уже непосредственно на процедуру вакцинации. Нас провели через коридор специальным образом оборудованных

боксов и предложили зайти в один из них. Там нас уже встретил доктор, облачённый в защитную одежду, со шприцем наперевес.

Долгожданный укол не оставил по себе никаких ощущений. Честно говоря, мы его просто не заметили. После столь благополучно прошедшей прививки нас под белы ручки проводили в зал отдыха, где

рекомендовали провести 15 – 20 минут в состоянии полного покоя, что мы и проделали. На выходе из зала отдыха нас встретила юная особа, вручившая взамен нашей квитанции ваучер, предназначенный для водителя такси, которое и отвезет нас обратно домой. Квитанции и ваучеры гарантируют таксистам оплату нашего трансфера.

Последующие дни показали, что нас голыми руками не возьмешь. Никаких побочных явлений после вакцинации мы не ощутили. Хотя нашлось немало, так называемых, «бывалых», которые запугивали решившихся на вакцинацию возможными острыми недомоганиями вплоть до тромбоэмболии. Мы же относились к этим предостережениям с философским спокойствием, приняв решение – делать, что должно, и будь, что будет. Кроме того, я был уверен, что очень скоро наступит момент, когда справка о вакцинации поможет открывать двери, наглухо закрытые для непрошедших прививки. 31 марта мы прошли второй этап вакцинации, выполнив тем самым свой долг перед мировым сообществом в формировании коллективного иммунитета.

Количество смертей продолжает потрясать своей неотвратимостью, заставляя трепетать души и сердца, порождая в умах неконтролируемые страхи. Человечество всё больше и больше охватывает синдром коронавирусной фобии, формирующий представление о человеческой жизни,

как о явлении кратковременном, в то время как смерть, стирая всё за собой, – это навсегда. Было и нет. Приходит смерть и всё исчезает. Куда девается память о прошлом, как и где растворяются жизненные планы, что поглощает весёлые огни полевых цветов и ароматы скошенных трав, кому теперь будут сверкать глаза детей и слёзы радости любимых женщин, куда гинет тепло родительских рук и «любовь к отеческим гробам», как могло безвозвратно пропасть волнующие ощущения от любимой музыки и литературы. Куда пропали чувства всепобеждающей любви и дружбы. Где теперь всё это? Во что перевоплотилось? Всё растворилось, испарилось, аннигилировалось, превратившись в груды гниющей плоти. Выходит, прежняя жизнь была просто временным фантомом. Но с этим примириться невозможно.

Апрель, 2021 года

***Рождественская
прогулка***

Проснулись мы с ощущением непоколебимой решимости отметить весёлой прогулкой Рождество Христово по Григорианскому календарю. А, собственно, почему нет? Да, не католики мы. Я бы сказал – даже наоборот. Татьяна – православная, а я – и вовсе иудей. Но весёлые прогулки не чужды никому. Почему-то мне сейчас припомнилось, что сын друзей моих родителей по документам числился украинцем, притом, что его мама была еврейкой, а папа – поляк. Так я и не понял, почему это пришло мне сейчас в голову. Однако вернёмся к началу.

После завтрака мы быстро собрались и приступили к обсуждению предполагаемого маршрута. Нам хотелось посетить главные площади Кёльна, которые в это время года празднично сверкают и переливаются разноцветными огнями, и, разумеется, зайти в Собор, чтобы увидеть во всей красе его рождественский интерьер. Казалось бы, чего проще? Но лёгких путей мы не ищем. Как раз именно вокруг маршрута и развернулось нешуточное сражение.

Танюха предложила доехать до Ноймаркта, пройтись по Шильдергассе до Хоймаркта, а оттуда через Альтермаркт уже пройти к Собору. А далее поездом от Главного вокзала до Дойтца, где можно пересесть на метро-трамвай №1 и через каких-то 15 – 20 минут добраться до дома. Я же предложил выйти на Хоймаркте, пройти неспеша через Ратушную площадь к Собору, где можно будет полюбоваться его рождественским убранством или умилиться наивной искренностью рождественского вертепа, выставляемого ежегодно при входе в левом нефе Собора. Оттуда через Хоешрассе и Шильдергассе выйти к тому же метро-трамваю №1 и через каких-то 15 – 20 минут оказаться дома. Мне казалось, что с точки зрения логистики мой вариант был предпочтительней. На мой взгляд, даже самый взыскательный городской абориген не смог бы придаться. Но не тут-то было. Пришлось, правда, наступив на горло собственной песне, признать своё поражение. Когда-то Владимир Ульянов якобы произнёс фразу: «Мы пойдём другим путём». Мы тоже пошли другим путём. Путём, предложенным Таней.

Но то, что мы увидели, привело нас в шоковое состояние. Мы шли по совершенно пустому городу. Изредка попадающиеся прохожие в устрашающих медицинских масках, рассекая пасмурную пустоту, напоминали передовую группу отряда зомби перед нашествием на город. Серый промозглый день, серая незащитность города и слепые витрины магазинов. Куда подевались шикарные ёлки, украшенные разноцветными гирляндами и ослепительно сверкающими шарами, всегда устанавливаемые к рождественским праздникам на главных площадях города; почему так жалко выглядят обычно призывно манящие витрины центральных магазинов.

Обычно одна из самых оживленных торговых улиц центра Кельна Шильдергассе встретила нас пустынным безмолвием. Лишь часто встречающиеся лежбища кельнских бомжей как-то оживляли эту безрадостную картину. И всё было бы терпимо, если бы не омерзительная антисанитария, являющаяся неременной составляющей их бездомного существования. Это особенно актуально выглядит в условиях коронавирусной пандемии. Обязательное ношение масок, социальная дистанция и тщательное мытьё рук – всё укрылось под грудой их шевелящегося тряпья. По дороге нам попала команда волонтеров, предлагающих обездоленным людям горячие напитки.

Вблизи одной из исторических протестантских церквей города Антонитенкирхе стоял пожилой потрёпанного вида кларнетист, оглашая безлюдное пространство щемящей мелодией из «Шербургских зонтиков». Эта бередящая душу картина не могла оставить равнодушной мою жену. В футляр от кларнета с глухим стуком опустилась вполне заслуженная монета.

На пути к Собору у нас неожиданно возникли опасения, что обязательно найдётся какая-нибудь карантинная причина, которая не позволит нам войти внутрь. Но, подойдя поближе, мы увидели небольшую очередь, медленно поглощаемую центральными воротами Собора. Перед входом нас встретил соборный служака в роскошном пурпурном одеянии словами: «Посещение только для молитвы». Пришлось прикинуться правоверными католиками и войти в священное пространство. Нам сразу бросилось в глаза отсутствие на привычном месте рождественского вертепа, который всегда возводился слева при входе. Эта многофигурная фанерная композиция не отображает конкретный момент Рождества Христова. Здесь, разумеется, и Дева Мария с Младенцем, и ясли с сеном, и сцены поклонения пастухов и волхвов, и просто бытовые картины Вифлеема. И, как ни странно, этот примитивизм может растрогать до слёз даже самых нестигаемых.

К нашему удивлению выдающееся произведение Стефана Лохнера складень-триптих с центральным полотном «Поклонение волхвов», находящееся в правом нефё Собора, был закрыт. Это тем более показалось нам странным, ведь известно, что эта тема уже на протяжении уже двух тысячелетий является главным символом события, именуемого «Рождеством Христовым». В результате у нас сложилось впечатление, что персонажи этого события вместе со всем немецким народом в соответствии с актуальными пандемическими веяниями отправлены на принудительный карантин. Видно, волхвы и божественный младенец были отнесены к группе риска. Не добавлял настроения и сумеречный свет, с трудом пробивающийся сквозь знаменитые витражи Кёльнского Дома. Выбравшись наружу,

мы, честно говоря, вздохнули с облегчением.

Дорога к дому была уже не столь впечатляющей. Проходя по площади Альтермаркт, мы остановились у доминанты этой исторической площади. Полтора века тому назад здесь был установлен фонтан – памятник герою Тридцатилетней войны – генералу Яну фон Верту. Его фигуру, горделиво венчающую трехъярусный постамент, освещали четыре фонаря, на каждом из которых сидело по голубю. Вот кто действительно нашёл тёплое местечко в этот сырой праздничный день.

Весёлая прогулка не получилась.

Декабрь, 2020 года

Оглавление

Предисловие	3
«Боже, храни императора Франца».	5
Dreamolino leg pillow.	13
Листая страницы.	17
6 сантиметров.	42
Бланкенштайн 2021.	48
Командировка (Минувшее).	57
Быть, а не казаться.	62
ДНК.	79
Что наша жизнь – игра.	87
Все на выборы!.	111
Уколоться и забыть.	117
Рождественская прогулка.	127

Валерий Золотаревский

КАЛЕЙДОСКОП

Безответственный редактор – В. Золотаревский

Компьютерная вёрстка – Г. Пакман

Контроль на линии – Т. Золотаревская

Подписано в печать – немедленно

Печать цифровая

Тираж – ограниченный

Отпечатано в Кёльне

Кёльн 2021

ВАЛЕРИЙ ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

КАЛЕЙДОСКОП

Сборник «Калейдоскоп», является третьей книжицей трилогии, не имеющей общего названия. В трилогию вошли два предыдущих сборника: «Такое... и думы» (2018 год) и «Под знаком короны» (2020 год). Тексты, входящие в эти три сборника, в большей или меньшей степени являются, по мнению автора, отражением долгого (хотелось бы) завершающего периода его жизни. Работы, представленные в этих сборниках, не связаны друг с другом общей сюжетной линией, поэтому их можно читать в произвольной последовательности. Свои впечатления от прочитанного можете оставлять на страницах «Гостевой книги» сайта www.valzol.ru.

БУДЕМ ЖИТЬ ДАЛЬШЕ!